

БЫТНИЕ

М Край-Майер

18+

18+

М Край-Майер

Бытие

«Автор»

2026

Край-Майер М.

Бытие / М. Край-Майер — «Автор», 2026

Это книга, существующая далеко за гранью жанра. Здесь боль служит языком, свобода — в столкновении с собой, а Власть позволяет к себе прикоснуться, но не остаться прежним. Выжить здесь недостаточно. Нужно понять, ради чего. В этом мире приходится не только терять иллюзии, но и заново определять, что истинно. Это не сюжет, это — Бытие. А еще здесь нет любовной линии — не благодарите.

© Край-Майер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
1	7
2	16
3	23
4	32
5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Бытие

Вступление

— Что вы чувствуете, когда вас оскорбляют?
— Ничего.
— Но почему?
— Потому что я знаю, что оскорбление будет неизбежно наказано.
— Вы получаете от этого удовольствие?
— Нет, я же не садист.
— Но должны же Вы хоть что-нибудь чувствовать...
— Да, пожалуй, да. Я в очередной раз отмечаю, что система охраны порядка функционирует правильно.

© Интервью стражника с самим собой.

Ужас.

Нестерпимый страх.

Сильная, изматывающая эмоция.

Запах озона, копошение в груди, нервное оцепенение.

Сухость и металлический привкус во рту, противная щекотка внизу живота, соединённая с комом в горле тонкой, леденящей внутренности нитью.

Мышечная слабость, заставляющая тело дрожать от напряжения, отнимающая все силы. Умственное бессилие, когда вся энергия уходит на то, чтобы устоять на ногах и не поддаться позорному желанию, исходящему из низа живота.

Нервный смех, жуткая неудержимая улыбка просится на лицо — единственный защитный механизм, помогающий сохранить самообладание лишь при условии, что нет угрозы попрощаться с жизнью. Ужасно глупое выражение, появление которого вполне понятно, но крайне нежелательно. Оно выдаёт степень страха.

Одного отчёта в конце дня достаточно, чтобы после, в своих покоях, забыться мёртвым сном, как после длительного тяжёлого физического труда. Или после наказания, изматывающего не самой болью, а необходимостью её терпеть без громких криков и истерик. Когда после всего утыкаешься лицом в подушку, стараясь не кричать из-за всего накопившегося, выгораешь от сконцентрированного внутри грудной клетки страдания, боль отходит на второй план, против воли концентрируешься на переполняющих тебя чувствах, по-прежнему, не желая их выпускать, а после забываешься беспробудным тревожным сном. Просыпаешься без будильника, заранее уставший, с мерзкой угольной пустотой внутри.

Так проходит каждый день тех, кому есть чего бояться. В существующей системе правления не так сложно поддерживать должный уровень службы, но единожды поддавшийся страху человек начинает допускать ошибки и попадает в бесконечный круг кошмара, вины и наказаний. То, что начинает преследовать этих людей, уничтожает в них надежду, превращая в зашуганных, забитых, уставших от собственного бессилия ничтожеств. От этого нет спасения, невозможно отказаться от судьбы рожденного в этом мире, можно лишь изменить своё положение, чаще всего, конечно, вниз. Только скатывание вниз порождает ещё больше слабостей, ещё больше ошибок, ещё больше страхов... и их исполнений.

В самом низу существуют слабо напоминающие людей автоматически передвигающиеся куски плоти и костей, сгоревшие сердцем и головой, пригодные только для экспериментальных опытов в магии. Их не кормят, так как последняя стадия деградации необратима. Организм, не имея внешнего повода оборвать своё существование, начинает вырабатывать токсины, дефор-

мировать органы, постепенно стирать сознание, блокировать осознание потребностей. Тело разрушает себя, происходит генетический суицид без участия воли человека. Это достаточно гуманная смерть — за которой человек уже не способен уследить. Есть куда более сложные пути, оставляющие людей в сознании, а сознание — в клетке страданий в течение куда более длительного времени, не отпуская его даже после прекращения жизнедеятельности организма. В этом мире желания и сила души куда сильнее потребностей тела, порой мозг не способен сопротивляться процессам, запущенным душевной энергией. Магия, пылью витающая в воздухе — лишь инструмент, и не всегда он подчиняется воле.

Стоит отдать должное — есть немало людей, способных разорвать порочный круг, открыть в себе чувство долга и благодарности, помогающие принимать последствия своих решений с высоко поднятой головой и открытыми глазами. Они знают себе цену, знают свои заслуги, они готовы выносить уроки и совершенствоваться. Это огромный труд, пожалуй, куда тяжелее, чем сдерживать слабодушный, разъедающий личность, ужас. Они становятся лучше каждый день, поддерживая баланс, не давая миру погрузиться во тьму всепоглощающего отчаяния. Жаль только, что их крайне мало, много меньше, чем других.

Людам ещё нужно время, чтобы от поддержания баланса перейти к развитию.

1

Проходя по улицам города, очередной из сотен бывавших здесь стражников в очередной раз отмечал красоту ночи. Он мыслил довольно приземлённо, судил, не поднимая глаз к небу. Его глаза цеплялись за обшитые тёмным металлом дома, за фонари, освещавшие улицы бледным зеленоватым цветом. Он пытался понять ту призрачную атмосферу, о которой рассказывали коллеги, но сумел оценить только цвета, тени, свежесть воздуха и чистоту. Первый патруль — он попал на службу во дворец относительно давно и получил первое после длительной подготовки личное задание за пределами Дворца. Ночи здесь по большей части спокойные, но он был тотально невезуч, обладая при этом удивительной интуицией. Он знал уже утром, что ночь будет сложной, только не предполагал, насколько.

Почувствовав внезапно поднявшийся ледяной ветер, он старался себя успокоить, хотя и слышал уже цокот, характерный для лошадей отряда так называемых Черных Стражей. Это были люди, одетые в сверкающие тёмным металлом доспехи, с чёрными плащами и вооружённые двуручным либо парным оружием. Лица всегда скрыты, голоса у всех абсолютно одинаковые, скорее всего изменённые магией. Их роль во дворце не определена для остальных, они просто были везде — присутствовали на заседаниях, проводили охоту за нарушителями, с которыми не справлялись стражники, сопровождали Тёмного Лорда, караулили некоторые помещения дворца, доставляли вызовы... В этот раз их было всего трое. Двое пронеслись мимо, третий замедлил коня, бросив на ходу всего одну фразу:

— Эвиган Мар, возвращайтесь, Вас вызывает Лорд, — после чего снова рванул узды и направился в другую сторону

Внутри у новичка всё похолодело. И виной тому была вовсе не принесённая отрядом погода. Вызов произнесли спокойно, но его формулировка не давала шанса позитиву. Что произошло? Сглотнув ком в горле, он понёсся обратно. Благо, этот патрульный круг прерван не так далеко.

Одной из первых странностей, с которой он познакомился, едва поступив на службу, было знание. В стенах дворца он всегда знал, куда должен идти, где должен оставаться, кого должен искать, даже если никогда не был знаком ни с людьми, ни с помещениями. И сейчас он шёл в совершенно незнакомом направлении, отмечая про себя лишь изменения в цветовой гамме коридоров. Чем дальше он заходил, тем чернее становились стены. Сеть коридоров без окон примерно на третьем этаже мимо множества похожих дверей вывела его в тупик — к закрытой высоченной, как и многое во дворце, украшенной витиеватой резьбой двери цвета сторевавшей древесины. Он уже видел ранее тронный зал, видел залы заседаний и советов, но эта дверь была не похожа ни на одну из виденных ранее. Она массивнее, старше, давила всем своим видом. Казалось, отроешь её — и ты окажешься в сердце непроглядной тьмы, которая давно просачивается в наш мир сквозь материю, отчего эта дверь и часть коридоров приобрели угольный окрас. Не успев тронуть молоток, стражник почувствовал прохладу, исходящую из проёма, дверь отворилась сама собой, пропуская гостя. Таки она не была проходом в царство мрака.

Войдя в помещение, стражник почти успокоился. Он был не единственным приглашённым. В большом зале, по обе стороны которого расположились множество точно таких же дверей, стояли, словно из камня высеченные, стражники. В синих плащах и чистых доспехах, отражающих мраморную текстуру зала. Всего, наверное, человек двадцать. Интересно, как выбирали тех, кто должен присутствовать? Есть ли здесь ещё кто из молодых? Все, как и двери, расположились по обе стороны зала. Своды поддерживали массивные колонны со светильниками, по два на каждом. Свет в них горел белым, отчего помещение казалось совершенно бесцветным, а лица — бледными и неживыми. Многие оглядывались, некоторые не снимали

шлемов, но в этом странном свете различить что-либо не удавалось. Всё в зале состояло из тёмного мрамора, точных оттенков которого было не определить. Во главе помещения стоял небольшой, не слишком помпезный, со вкусом выполненный крылатый трон, вопреки всему вытесанный из куска молочного камня. От кресла вперёд отходили два крыла-стола, на каждом из которых стояли белые же свечи. В помещении не было ветра, но яркое пламя плясало в каком-то тревожном танце. Парень обратил внимание, что не только его взгляд привлекали свечи... или трон. Стоял гул, люди пытались что-то разузнать друг у друга, но никто ничего не понимал. Шуршание и шёпот достигли апогея громкости и в одночасье оборвались, когда все повернулись на голоса в другом конце зала. Глашатаи объявили прибытие правителя.

— Его Величество, Тёмный Лорд Аскар.

Из густой тени, в которую все всматривались, вышел представленный Лорд. В помещении медленно, но ощутимо холодало. Аскар был высоким, сдержанным, он двигался стремительно, но достойно. В чёрном кожаном плаще без рукавов поверх рубашки из странной ткани с витиеватым рисунком он выглядел как человек. Но снежного цвета лёгкие длинные волосы, его рост, странности в бледном лице сообщали о необычном происхождении. Узкие глаза с глубокой посадкой смотрели прямо, свысока, и молодой стражник был рад, что этот холодный взгляд направлен не на него. Чем ближе подходил Лорд, тем тяжелее становилось дышать, тем сильнее проявлялась слабость в теле. Парень не понимал, что происходит. Лишь в глубине сознания тонкий голос испуганного мальчишки из детства просил Тёмного Лорда не приближаться... лишь бы он скорее прошёл мимо к своему месту, пожалуйста. Обретя возможность оторвать взгляд от глаз своего правителя, стражник испытал новый прилив ужаса, вроде бы понятного, но необъяснимо сильного. На поясе Аскара, частично укрытый чехлом, висел необычной формы кнут. Он никогда не видел такого плетения и был вовсе не уверен, плетение ли это. Но, видя это, он обрел ещё одно знание из ниоткуда — этот инструмент выпил гораздо больше крови и слёз, чем можно представить. Стражник зажмурился. Он терял самообладание, просто присутствуя здесь. Что же будет дальше?

Подойдя к трону, Лорд заставил всех застыть в ожидании. Замерли тела, замерли мысли, на зал обрушилась абсолютная тишина. Лишь его голос заполнил пространство в зале и головах. Он говорил медленно, раздельно, с паузами, давая время своим словам укорениться.

— Приветствую всех. Эта ночь стала подарком для нас. Прибыл с поклоном человек, изгнанный несколько лет назад. Подобное происходит очень редко, но на короткий миг развеивает рутину, к которой все привыкли. Вы призваны засвидетельствовать аудиенцию.

Он сел в слегка насмешливую, расслабленную, но скованную позу. Ноги скрещены в лодыжках, а руки, сделав приглашающий жест, легли на подлокотники трона и сомкнулись в замок на уровне живота.

С той же стороны, откуда появился Лорд, двое Стражей привели неплохо одетого, но явно уже давно прилично не живущего человека. Он пытался держаться столь же достойно своего титула, но достоинство было потеряно также как и титул несколько лет назад. От старого лоска и харизмы не осталось и следа, лишь тело пыталось изображать повадки и манеры, которые ранее вызывали восторг окружающих. Тёмно-зелёный шелковый фрак потерялся, давно невымытые русые волосы, зачесанные назад, держали форму не за счёт эфирных масел, но из-за застаревшего жира. Яркие ранее зелёные глаза сейчас были практически столь же бледными, как и серые глаза Аскара. Заломленные руки дрожали даже в крепкой хватке Стражей.

Его с силой поставили на колени в центре зала, раздался тонкий щелчок сустава от сильного удара о мраморный пол, мужчина поморщился. Стражи, склонив головы, церемонно отошли обратно в тень. Хотя некоторые присутствующие были уверены, что они растворились в воздухе чуть раньше, чем тень укрыла их... Размышлениям вновь не позволил развиваться голос Аскара. Парень чувствовал в себе жуткий парадокс. Он хотел его слушать, впитывать каждую бархатную ноту, каждое дребезжание холодных интонаций и вместе с тем чувствовал

тем более крепкий ледяной ком в груди, чем дольше слушал. Он тянулся к тому, что заставляло его сердце замирать.

— Герцог Вин Аравелла, нарушив пожизненный запрет, переступил черту столицы и изъявил желание говорить со мной. Ранее оставленный в живых в благодарность за верную службу его семьи, он был заклеимён и изгнан из цивилизованных земель. Ему было оставлено право на контакт с нашим миром, но запрещено в него возвращаться. Итак, какая нужда заставляла Вас пренебречь оказанной честью, герцог?

Осунувшийся дворянин встал на одно колено. Дерзкий жест, но молодой стражник списал его на боль в повреждённом суставе. Лорд это проигнорировал.

— Я пришёл, чтобы говорить с тобой и просить свободы, — герцог обладал приятным низким тембром, он явно был раньше хорошим оратором.

— Свободы? Вы вольнее любого жителя моих земель.

— То, что ты сделал со мной, остаётся моей тюрьмой. Ты выжигал моё проклятие сорок два дня — по дню за каждый год от моего рождения, — тон постепенно менялся, воспоминания захлестывали с особой ясностью. — Четыре года прошло с момента, когда ты меня изгнал, но не отпустил... Я не могу больше жить, переживая всё каждую ночь и видя последствия каждый день. Я совершил непростительное, но молю тебя — прости слугу своего и освободи меня.

На последних словах герцог напрягся, уже наперёд ожидая чего угодно, но не блага. Только сейчас он начал по-настоящему осознавать бессмысленность затеи. Сейчас, когда рассмотрел обстановку зала.

— Вы более не являетесь моим подданным и волны сами определять своё существование. О какой свободе Вы смеете просить, сохранив жизнь после предательства и покушения? — голос Аскара оставался ровным и холодным, как лезвие меча.

— Я давно раскаялся в этом глупом, самоуверенном поступке. Ты всегда умел... впечатывать знания. Но я так больше не могу. Прошу... Эти сны... — потрепанный дворянин почти плакал, его лицо блестело от холодного пота.

Дрожь захватывала все тело, в присутствии Лорда он ощущал всё так, словно это закончилось только вчера. Судорожно напрягались мышцы в ожидании продолжения. Голова наполнилась воспоминаниями прожитых лет, ночей и боли.

Лорд Аскар тем не менее оставался невозмутим. Ни один нерв на лице не дрогнул, выражение его не изменилось ни на миллиметр с момента появления в зале. Молодой стражник никак не мог привыкнуть к такому уровню самообладания. Если эмоции Лорда и проявлялись, то не в его образе, а в окружающей атмосфере. Воздух практически незаметно для присутствующих стал густым, тяжёлым, даже тёмным. То, что казалось людям простой усталостью, вызванной эмоциональным напряжением, было давлением, которое оказывает аура Тёмного Лорда. И как только молодой стражник об этом подумал, как сразу осознал, почему дворянина так трясёт...

«Но почему он говорит „ты“? Неужели Лорд уделяет столько времени личным расправам?»

Эвиган по-прежнему воспринимал правителя как символ власти, могущества и правосудия, отчаянно сопротивляясь слухам и домыслам о его нраве. Мог представить, как Лорд Аскар рассматривает дела нарушителей, сверяясь с какими-то томами, выносит и подписывает приговоры, возможно, даже оглашает их в особых случаях... Но представить себе, как он работает с очередью ожидающих своей участи собственноручно, да ещё и в течение такого длительного срока... И явно же в его огромных владениях на день выпадает не одна «жертва плохого воспитания». Воображение молодого стражника услужливо нарисовало зал, схожий с этим, где тянущаяся из густой тьмы очередь наблюдает за работой своего правителя, проникаясь происходящим до самых костей, осознавая мастерство, которое уже совсем скоро заставит их почувствовать всю полноту своей ответственности.

Воображение резко перерисовало картинку. Оно стерло хвост очереди, заменило величественные стены зала каменной кладкой просторного, явно подземного помещения, добавило деталей в размытые образы жертвы и палача, начало быстро и целеустремлённо набрасывать отметины на теле первого. И вот уже Тёмный Лорд Аскар стоит рядом с ярким бассейном раскалённых углей нескольких шагов в диаметре, рассматривая бывшего вельможу, сидящего в его центре в одной только набедренной повязке с залитым кровью и потом торсом. Вот он поднимает руку с тем, что изначально можно было принять за трость, и шагает на угли. Раскалённый прут раскачивается с каждым шагом, гипнотически притягивая взгляд. Из третьего наблюдающего лица стражник внезапно переместился в участника. Лорд надвигался на него неспешно, смотрел прямо, взглядом, из-за которого становилось холодно даже в таком месте. Стражник потерял контроль над своим сознанием и даже не заметил этого... Он — ничтожество, он — жертва, он — игрушка, его эмоции — корм, его жизнь ничего не значит ни в одной из множества реальностей. Куда бы ни бежало сознание, оно находило лишь бесконечность последствий. Тёмный Лорд смотрел на него, как на стекло для будущего витража. Вырезая и выжигая в нём отверстия для будущей картины, он был сосредоточен, непоколебим, словно уже видел конечный образ. Сознание стражника буквально на мгновение захлестнула жгучая боль во всём теле, сердце пропустило пару ударов и понеслось как ненормальное, в предобморочном состоянии он наконец-то вынырнул в реальность. И взгляд сразу же упёрся в прозрачно-серые глаза, которые только что с таким презрением смотрели на него в камере. Вернее, ему померещилось, потому что, моргнув, он осознал, что в помещении ничего с момента «полёта» не изменилось. Голова гудела, тело казалось невесомым, будто все ощущения остались Там... Или всё же не померещилось? Он попытался было сконцентрироваться и снова осмотреть зал, но в глазах поплыло, он пошатнулся. В нормальное состояние его снова привёл голос. Снова глашатаи.

— Согласно протоколу суда, этот человек замыслил убийство своего правителя. Должно сказать, он был не первым, а посему процесс вынесения его приговора стал исключительным в связи с репутацией его фамилии. Властью правителя ему сохранили жизнь, но было принято решение оставить в памяти вечно живущий след, который будет напоминать ему о жестокости и милости Его Величества.

Послышались всхлипы. Поддавшись страху, разжалованный дворянин начинал плакать, как дитя. Не имея возможности работать руками, он пытался вытирать лицо о поджатые колени. Сил не хватало так долго сохранять самообладание, наружу вылезало то, во что на самом деле превратила его память, оставленная милостью Его Величества. Всё сильнее накачивалась истерика, и спустя минуту он уже безудержно ревел, порой громко задыхаясь от вырывающихся эмоций. В этом плаче не было ничего, кроме жалости к себе. Так мучаются те, кто считает, что их судьба жестока, а жизнь несправедливо тяжела. Временами слышались плохо разборчивые слова: «прошу», «пожалуйста» и «умоляю». Это продолжалось недолго, всё-таки он не хотел позволять себе эмоциональных слабостей — герцог же, пусть и разжалованный. Когда всхлипы начали затихать, снова заговорил Лорд.

— Вам не стоит просить прощения, Герцог. Прощение было Вам даровано в момент исполнения приговора. Вы также остались в живых благодаря славе Вашей семьи. Будьте мужественны, примите свою ношу и, возможно, Вы обретёте покой...

— Нет... прошу...

— ...Однако и в этот раз Вы не уйдёте так просто, — наконец-то в голосе правителя начали проявляться другие интонации.

К бархатному холоду примешался властный металл и крохотная щепоть иронии, словно он ждал лишь повода.

— После предательства и прощения, сохранив жизнь, несмотря на попытку отнять чужую, Вы посмели нарушить приказ и явиться мне на глаза, обвиняя в чрезмерности принятого мной решения.

Лорд поднял правую руку, снова как бы приглашая к действию. Но произошло нечто иное. Бывший герцог начал медленно подниматься с пола, после чего завис в паре сантиметров от земли. По ногам потекла его слабость... Разрывающееся от предчувствий сознание начало сдавать позиции безумию, у старого герцога начиналась ещё одна истерика.

— Вот они милость и жестокость хозяина! — смеялся он. — Я не уйду отсюда невредимым. Как забавно! Как мог я ожидать милосердия от тебя?!

Взгляд Лорда пронизывал столь же сильным презрением, как в том видении. Стражник подумал, что всё виденное могло быть действительно. Значит, то была сцена одного из сорока двух дней? Могло ли это происходить здесь же, во Дворце? Неужели все сорок два дня...

— Верно. Вам ли не знать, Вин, что не в моих привычках освобождать приговорённых. Но Ваши ноги всё равно принесли Вас сюда, чтобы Вы высказали весь этот бред. Вы не учитесь на ошибках, — Лорд позволил презрению проявиться в отказе от формальности. — Ты выходец из семьи с великой историей, позор своего рода. Досадно — истязать их потомка.

Герцог продолжал хохотать, пока не закашлялся. Но и после этого улыбка не сошла с его лица. Из красных глаз снова текли слёзы, он смотрел вверх и улыбался, словно укоряя равнодушное небо, которого, впрочем, здесь видно не было.

— Самое сильное оружие против страха — смех. Я понимаю. Посему не будем тянуть с исполнением. Ты ведь определённо хочешь покинуть этот зал... Твой приговор предельно прост. — Тёмный Лорд встал. — Продолжишь ли ты смеяться?

Снова знание возникло само собой. Все в зале, включая герцога, уже знали, что сейчас будет происходить. Но одно дело — знать, другое — наблюдать, третье — исполнять.

Исполнение снова брал на себя Лорд. Единожды коснувшись жертвы, он уже не отдавал её другим палачам.

Щелчок пальцами разнёсся по залу выстрелом. Следом многократно произнесённое: «Ох», и шорохи доспехов. Герцог крепко зажмурился, но спустя несколько секунд удивлённо хлопал глазами, не понимая, почему всё ещё ничего не происходит. Лорд тянул момент, хотел дать знанию укорениться в голове и пустить корни. Аравелла знал итог, но не знал путь, который избрал сегодня Аскар.

Следом за шорохами зал наполнялся запахом горелой ткани. Не в силах больше истерить, Герцог тихо заскулил — его одежда тлела в нескольких местах и через пару минут расползающиеся дыры с горящими краями слизали её без остатка, обнажая узор, оставленный правителем на его коже более четырех лет назад. Сквозь скулёж близстоящие услышали полный безысходности стон: «снова огонь».

— Сегодня всего лишь магия, — отвечал ему голос из прошлого, что преследует ночами, из раза в раз повторяя одно и то же: «осталось совсем немного».

Но не сегодня, сейчас всё только начиналось. Выставив вперёд ладонь, Лорд медленно развёл пальцы, его глаза остекленели. Казалось, он уже не здесь, и это было правдой. Он концентрировался, рассматривал строение скелета ног герцога, дозировал свою силу. Ему не нужна была преждевременная потеря чувствительности из-за повреждения важных нервных волокон. Рука резко сжалась в кулак, послышался мерзкий хруст ломающихся костей, стон, подтвердивший точность выполненного манёвра. Ступни Аравеллы обвисли пустыми кусками мяса, стремительно краснея.

Изящным движением Аскар вновь раскрыл ладонь и медленно провёл ею вверх, распространяя магию на всю длину ног вплоть до костей таза. Крик затих резко и внезапно, но сопровождавший его хруст продолжался ещё несколько секунд после потери герцогом сознания.

Лорд дождался, пока Чёрные Стражи привели Аравеллу в чувства, и отдал последний приказ, исполнившийся сам собой:

— Лишить ног.

После этого, не глядя на герцога, стремительно вышел из зала.

Ноги Аравеллы, красные от порванных осколками костей сосудов, снизу вверх стремительно чернели и опадали сухой трухой на пол. Буквально через несколько секунд в воздухе висел уже обрубок человека, бледный как туман, такой же слабый и почти неживой. Стражи оттащили его в ту самую густую тьму, из которой появлялись сами, и только тогда тиски, сжимавшие сердца, головы и души присутствующих, отпустили свою хватку. На молодого стражника навалилась такая усталость, будто он двое суток не спал, а лишь сражался за свою жизнь. Кто-то учтиво похлопал его по плечу, но он не успел увидеть, кто это был. Все покидали помещение. И только его одного один из Чёрных Стражей задержал у двери с новым распоряжением. Его снова желал видеть Тёмный Лорд. В этот раз наедине...

Он шёл в подземелье. Это место он также уже знал... увы, не как наблюдатель. Оставалось надеяться, что состоится всего лишь разговор. Молодому человеку ещё не приходилось общаться с правителем наедине, он либо присутствовал на событиях, либо видел его издалека в коридорах Дворца, когда шёл по своим делам. Оказавшись в самом подземелье, он прислушался к зову и пошёл дальше. Прямо, направо в нишу, которая вела к лестнице на этаж выше, резко налево, до конца коридора, последняя дверь в торце. Постучавшись, вошёл.

— Капитан Эвиган Мар, — представился он, прикрыв глаза, склонив голову и по-военному щёлкнув каблуками. — Прошу прощения за ожидание.

— Проходи.

Стражник коротко осмотрелся. Комната совершенно пуста — голые кирпичные стены и дощатый пол. Дальняя стена отсутствовала, вместо неё стекло во всю стену с вплавленной в него решеткой, открывавшее вид на происходящее ниже. Он слышал тихие разговоры и лязг приборов, но пока что ничего не видел.

Перед окном спиной к нему стоял Аскар, привычно сложив руки сзади.

Странно было и то, что стражник не чувствовал совершенно никакого дискомфорта, нормального для людей в присутствии правителя. В горле пересохло, в сердце закрадывалось волнение, но он держал себя в руках. В этом волнении не было чужеродности.

— Эти стены заговорены, здесь мастерские и никакая энергетика не должна мешать работе, — спокойно ответил Лорд, буквально отвечая на сомнения стражника. — Кажется, я сказал тебе проходить.

Спохватившись, парень приблизился, но старался не смотреть на правителя. Всё-таки он его неизбежно боялся. Этот страх пропитал его ещё во время обучения, когда однокурсники с порой чересчур правдоподобным ужасом на лице рассказывали байки, с упоением смакуя самые безумные слухи. Когда не знаешь правды, а окружающая обстановка словно в сторе с рассказчиком, истории вызывают эмоции даже у самых непоколебимых. Узнают ли об этом окружающие, неважно, воспоминания о том страхе остаются в глубине сознания. А после — ошибки. За ними — боль. А за болью сомнения. Возможно ли, что все то, о чем говорят невежды, правда?

И при любом случайном поводе они возвращаются, особенно, когда видишь того, о ком речь. И Эвиган старался отводить взгляд, как и сейчас, рассматривая внизу за стеклом что-то вроде операционной. На высоком столе лежал без сознания герцог. У основания ног блестел металл, а над ним склонился человек в коричневой шапочке и такой же форме. Руки в чёрных перчатках держали пару странных инструментов и трудились над обрубками конечностей. Стражник боялся задавать вопросы, но их наличие при наблюдении таких зрелищ было очевидным и без участия зрительского рта.

— Я всегда вывожу боль и страх на запредельный для людей уровень. Попасть в мои руки для них — высшая степень наказания. Некоторые терзаются памятью о наших встречах даже после смерти, особенно мною казнённых, — Лорд взял небольшую паузу, давая стражнику возможность ответить, но у того, видимо, пока не хватало сил открыть рот. — Поэтому тем, кому не предписана смерть, я часто дарю что-то взамен. В качестве компенсации за удовлетворительную работу.

Лорд Аскар желал всего лишь поговорить. Но Эвиган действительно всё ещё боялся неизвестно чего. Правитель говорил спокойно. Сколь не пытался бы парень анализировать его интонации, в них не было ничего, что должно было бы провоцировать страх. Достаточно оказалось одной только его славы. Стражник отдавал себе в этом отчёт и поэтому изо всех сил боролся с собой за контроль над языком... Лорд был настроен отвечать, значит, он должен спрашивать, пока ещё позволено.

— Говорить с Вами честь для меня, Мой Лорд. Я благодарен за приглашение, — всё, что смог он выдать из себя вначале.

— Продолжай, — Аскар одобрительно кивнул.

— Вы определённо знаете, какой интерес мучит всех Ваших подданных без исключения... — он замолчал, надеясь, что правитель снова ответит сам, но тот молчал, заставляя произнести столь рискованный вопрос. — Для чего нужна такая жестокость?

— Для людей.

— Я... не понимаю.

— Люди не способны пренебречь лишь своим комфортом. Когда происходящее выходит за пределы согласия, они получают то, что должны получить. Любая попытка, с которой человек способен смириться и перетерпеть, не служит нужной цели — быть наказанием.

— Получается, только когда Вы взвинчиваете... атмосферу до невыносимости... Только тогда?

— Верно, до невыносимости.

Снова длительная пауза. Стражник задумался. Вроде бы он начинал понимать суть. У каждого человека разный порог, разные пределы терпимости. Где одному достаточно утешения, другого нужно вывернуть наизнанку. Но нужно ли?

— Но ведь не всё в Вашем правлении столь... ужасно. Существуют мелкие провинности вроде лжи, воровства... они не несут за собой ничего... — он запнулся, пытаясь подобрать нужное слово. — ...что действительно заставляло бы их бояться это повторять.

Лорд посмотрел на слугу, не выказывая тем не менее абсолютно никаких эмоций, но Эвиган мгновенно отвёл взгляд и снова упорно старался больше не смотреть в сторону собеседника.

— Это звучит, как упрёк в неэффективности принимаемых мер, ты ведь это понимаешь? — удовлетворённо отметив, как стражник сцепил руки, пытаясь скрыть дрожь, он отвернулся и продолжил. — Успокойся, я вызвал тебя для разговора. Чтобы понять желаемое, ты должен говорить свободно.

После короткого молчания так и ответил на вопрос:

— Когда ты говорил о жестокости, ты не задумывался о моментах её проявления. Дела о мелких провинностях не могут претендовать на моё вмешательство, хотя и не без исключений. Как я уже сказал — обычно, моё личное участие и есть высшая мера наказания, которую ещё нужно заслужить. Лишь крайне неудачливые либо до глупости смелые люди достигают этой крайности. Герцог Аравелла посягнул на мою жизнь. Был он невезуч или глуп?

— Думаю... и то, и другое.

— Поэтому он пережил то, что ты видел. Он переступил черту, которая закрывает путь обратно.

— Значит, остальные получают шанс?

Холодный бархат голоса Лорда укутывал его, как тяжёлое одеяло. По началу оно холодное и давит, но позже чувствуется удивительный комфорт. Стражник начинал действительно успокаиваться, не теряя при этом бдительности. Фоновое напряжение никуда не уходило.

— Одним достаточно пережить последствия лишь раз, другим одной меры мало. Они напарываются до тех пор, пока экзекуторы не доносят сквозь тело до разума, что приносит пользу, а что вред. Шанс это или петля, решает каждый самостоятельно.

Пришла очередь тишины. Аскар следил за работой. Эвиган обдумывал сказанное, вспоминая свои, к счастью, немногочисленные визиты к экзекуторам. Он понимал идею, понимал невозможность исправления некоторых личностей и мотив для такого метода обучения. Но всё ещё не мог уловить настоящий ответ на вопрос «почему настолько жестоко». Он пытался правильно сформулировать своё непонимание, а время шло. Он вспомнил, как несколько месяцев назад накладывал мазь на тогда ещё свежие следы и спрашивал сам себя, забавными всё-таки были комментарии палача перед началом или жуткими. И размышлял, должен ли он вообще себя об этом спрашивать.

— Когда Вы занимаетесь... этой работой, Вы всегда так спокойны... Вас не задевают, не злят поступки подобные... этому? — стражник кивком указал на тело внизу, имея в виду покушение.

— Предательство, оскорбление — слова, определяющее действие, но не реакцию. Когда неизбежно следствие, нет смысла тратить на эмоции.

— Но чувствуете же Вы хоть что-то по отношению к ним?

— Разочарование, — вот этот ответ стражник действительно понимал, и чувство это понимал.

Человеческая природа безумна. Люди способны противостоять самым сильным проявлениям лучших своих сторон в угоду эго. Когда внутренние силы игнорируются, на помощь приходят Законы. В голове крутился ещё один вопрос, но Эвиган не мог решить, стоит ли его высказывать. Так он смотрел на тело внизу и думал. И всё-таки решился, не без страха того, чем может быть чревата эта смелость.

— Вы получаете от этого удовольствие?

— Да, — исчерпывающий ответ.

Удовольствие... от таких процессов. Как Лорд уже подтвердил, мучений, взвинченных до нестерпимости. От которых сознание пытается сбежать либо в беспамятство, либо к смерти. Если парень правильно понял, то не смог бы подобрать нужного слова для их описания. Подобное имеют в виду только, когда говорят про Ад. Но если в Аду шансов нет, то здесь... Чистилище? Запредельные страдания при жизни, искупление за гранью человеческих возможностей. У стражника созрел ещё один вопрос. Убаюканный тишиной и спокойствием разговора, страх отступал.

— Как Вы... пришли в этот мир? Кажется, Вы правите так давно...

Нечасто приходилось в относительно спокойной обстановке общаться с подданным, который к тому же не сходит с ума от ужаса.

— Я был рожден смертным, довольно давно. Владел крупными землями действительно могущественного королевства, — Аскар медленно начал свой рассказ, давая время на раздумья. — Цена моего правления подданным казалась непомерной. Покушение — типичный выход из неудовлетворённости властью. Отравленный клинок сделал его успешным. Увы, для смертного тела достаточно и царапины, но наёмник хорошо постарался, оставив на мне куда больше, чем одну царапину. Он не пережил нашей борьбы. В Аду я не встретил его, но хорошо чувствовал, как своего убийцу. Тогда же я узнал, сколь многое переняли демоны из моего земного бытия. Они не стали делать жертву из человека, у которого училась половина знати Гозтии. Меня освободили за дар нечеловеческой жестокости и наградили статусом полубога. Покушение лишилось смысла.

— Выходит, то, что говорят в народе, действительно правда?

— Одна из немногих истин, что передаётся из уст в уста. Ни у кого не хватит фантазии приукрасить это так, чтобы выйти за рамки правды.

Да уж, сложно представить, что может звучать в устах людей эффектнее.

— Я не знаю, сочтёте ли Вы за дерзость то, что мне хочется сказать...

— Этого тебе бояться не стоит. Лучше бойся меня разочаровать, — вновь холодно ответил Аскар.

— Простите... — спешно поправился парень, глубоким вдохом заставляя себя говорить.

— Почему Вы выбрали путь этой запредельной жестокости? Вас боятся, ненавидят, желают смерти, но Вы продолжаете этот ужас...

— Потому что мне это нравится, — Лорд неопределённо повёл головой, имея в виду созданное им бытие.

На это нечего было сказать. Больше нечего. Эвиган понял, что разговор окончен. Он стоял ещё немного в размышлениях, после чего поблагодарил правителя и попросил разрешения уйти. Отдавая честь в такой обстановке, он снова чувствовал странную тревогу, впервые понимая весь символизм этого жеста... бросить сердце к ногам правителя.

До утра он так и не смог уснуть. Он очень много думал, вспоминал, позже бредил кошмарами. Но начинал понимать и переосмыслять. Его страх перед личностью всё ещё ощущался, но теперь Эвиган хотя бы осознавал его природу. Тёмный Лорд в нём не ошибся.

2

«Если он действительно полубог, то его божественная часть услышит меня, он придёт, он обязательно придёт».

Десятки ночей подряд мальчишка думал об одном и том же. Он мог себе это позволить только ночью, перед сном, когда никто его не видит, не слышит и не отвлекает. Он искренне верил в свою идею. А возникла она случайно: когда отец, в очередной раз вдрызг пьяный, пришёл после работы и устроил разнос, мальчик впервые задумался о боге. Он стоял, слушал глухие удары, скулеж матери и размышлял, можно ли проклинать семью именем бога. Какого бога? Он знал немного, лишь по слухам, потому что в этих землях единых религий не было. Все сказания о богах и потусторонних мирах существовали на уровне древних сказок, но считалось, что в них есть правда, пусть и преувеличенная.

Он размышлял, может ли бог иметь возможность и желание помочь именно ему, маленькому человеку. В этот момент ему пришёл в голову тот, кто обладал властью и, по слухам, нужным статусом. Оставалось узнать, будет ли у Него желание.

Мальчишка не знал молитв и понятия не имел, как молиться правильно. Но после размышлений решил: главное — сильно-сильно хотеть. Он слышал, что, если сильно чего-то желать, это сбудется. С тех пор он каждую ночь перед сном звал своего бога.

«Боже, Вы нужны мне, я нуждаюсь в Вашей помощи, прошу Вас, если слышите, дайте знак. Никто, кроме Вас, не сможет помочь, прошу. Я не умею молиться, но буду сильно-сильно думать. Я знаю, Вы слышите меня...»

Под такие неутраченные мысли он засыпал, а каждый следующий день испытывал свою веру под ударами судьбы и предметов.

— Явик, поди сюда! — звала мать в один пока ещё спокойный, солнечный день.

— Да, мам.

— Приведи себя в порядок, неряшливый мальчишка, едем в город.

— Но мы же уже ездили за покупками на этой неделе, а шкуры с папиной охоты ещё не готовы к продаже.

Мать резко схватила его за ухо и потянула вверх.

— Не твоё дело решать, что нужно семье. Сказано привести себя в порядок — иди и делай, не нервируй мать! — шипела она.

В такой близости он мог рассмотреть почти все трещинки и изгибы на корке рассечения, которое вчера организовал отец. Каждый день — свежие «подарки». Иногда повторяющиеся.

— Я понял, матушка, — отвечал Явик, стараясь сделать максимально страдающее лицо, чтобы быстрее освободиться.

Быстро искупавшись в корыте с ледяной водой, он нашёл одежду с наименьшим количеством дыр и заплаток, расчесал как мог волосы пальцами и снова явился к матери. Та смотрела на него с отвращением, но ничего не говорила. Она прекрасно знала, сколько лет в дом уже не покупается ничего нового. Если ребёнок растёт, старые вещи режут и дошивают к другим, удлиняя рукава и штанины, расширяя рубахи. То же и с обувью — сапоги и лапти из кусков не годились для дождливой погоды. Поэтому он постоянно мочил ноги, за что получал от родителей и часто болел, правда, родители не всегда об этом знали. Считая болезнь поводом увильнуть от работы, они злились ещё больше.

— Идём, всё готово.

У хлипких ворот уже стояла повозка с двумя печальными лошадьми и отцом-кучером. Судя по эмблеме на боку, он взял её с работы, как обычно, когда нужно было ехать в город.

Через пару часов мальчишка увидел город со склона, ещё через пятнадцать минут они были внутри и, судя по всему, шли к главной площади, а не на рынок. Смутно подозревая

подвох, он решился спросить о цели поездки. Отец выдал два слова, от которых Явику стало не по себе:

— На казнь.

Сперва он не поверил ушам. Родители никогда не брали его на публичные казни. Что происходит? Сомнения развеяла мать, невольно разжигая почти угасшую надежду:

— Сегодня казнят некоторых деятелей из верхушки, допрыгались сволочи. Поговаривают, что разборки организовал сам Тёмный Лорд.

Люди низших сословий не произносили его имя вслух, многие вовсе не знали его. Мальчишке, впрочем, было всё равно на имя и внешность. Он, как ребёнок, слепо верил в свою идею. Желание казалось почти исполненным: ещё несколько минут или часов — и он возможно увидит Его! Но судьба распорядилась иначе. Ряд казней прошёл без Его участия. Он даже не упоминался в объявлениях глашатаев.

Пара повешений, одно обезглавливание, три порки плетью. Девственная голова мальчика не выдержала: его вырвало при виде того, как первый приговоренный к порке обделался из-за внутренних повреждений. Зрелище посиневшей и окровавленной кожи, кровь на помосте после обезглавливания и наваленная куча произвели сильное впечатление. Последней точкой стали слова отца:

— Вырастешь, гадёныш, так же закончишь, если не возьмёшься за ум.

Явика вырвало на юбку стоящей впереди дамы. Та сначала возмутилась, но увидев его, лишь с сожалением покачала головой и отвернулась к помосту. Мальчику не хотелось смотреть. Не хотелось слушать. Даже не смотря на вновь наведенную чистоту, сменившегося палача и менее жестокие зрелища, он не мог справиться. Даже при том, что много раз представлял подобное в отношении отца. Даже при том, что именно об этом он просил бога. Бог не пришёл. С высоты Его пьедестала не видно крохотного мальчугана, неотличимого от тысяч таких же. Этот праздник, устроенный родителями, казалось, совершенно погасил последние искры надежды. Он устал и хотел домой, но был вынужден смотреть дальше, потому что отец говорил, что мужчина не должен быть слабаком, а мать угрожала дополнительной работой и голодом, если он продолжит их позорить. От мерзкого вкуса рвоты во рту, от радости зрителей и близости потных горожан его продолжало мутить и не вывернуло, наверное, только потому, что было нечем.

Всю обратную дорогу он спал, пока его не растолкал отец.

До конца дня его, как ни странно, оставили в покое, позволив выспаться. Наверное, родители поняли, что для десятилетнего мальчика сразу столько публичных расправ слишком много. Проснулся Явик глубокой ночью и больше спать не хотел. Он тихо сидел во дворе, смотрел на спящее хозяйство из кур, уток, свиней, коров и собаки, и вспоминал, сколько угроз с животными слышал от родителей. Сколько раз спал в хлеву со свиньями, сколько раз воровал из их корыта помой, как однажды свернул шею курице и готовил её на костре в лесу. Тогда он ещё не умел разбирать кур - ошипывать, потрошить, правильно готовить. Он кинул её как есть в костер, а потом ел мясо с привкусом жженных волос и старого жира. Было мерзко, но съедобно. А позже стоял на горохе за «потерянную» птицу, мол, не уследил.

Ребёнку нужен был позитив, и он пытался найти его в небе. Сияла половинка растущей луны. В её пятнах он старался рассмотреть животных, деревья, людей, развлекался воображением. Когда увидел в луне подобие человеческого лица, он снова вспомнил о боге. И всё-таки решился снова прочесть свою скудную молитву. В последний раз. Так на улице и уснул — благо было лето.

Проснулся же он от холода. Такого холода летом он никогда раньше не чувствовал. Точнее, проснулся от холода и крика матери. Осмотревшись, Явик не поверил глазам: всё вокруг покрылось инеем! Животные лежали кучками в вольерах и загонах, словно перед смертью жались друг к другу, пытаясь согреться.

— Чего разоралась, дура?! — на крыльце появился раскрасневшийся отец. Услышав о произошедшем, выдал такую тираду грязных слов, каких Явик ещё не слышал.

На крики прибежала взъерошенная соседка и принесла к тому же невероятную новость из пригородных деревень. Вчера в окрестностях города видели свиту Тёмного Лорда, говорят, двигался на север, а это означало, что он может проезжать здесь сегодня! Именно его появлению в этих краях и приписывали изменение погоды. Правда, скотина ни у кого больше не дохла.

Небо было сплошь белым и серым, преддождевым. Соседка убежала передавать новость дальше, а явиковы родители всполошились. Они хотели скорее привести двор в порядок, и себя на всякий случай. Накинулись с приказами на мальчишку. Он успел схлопотать пару подзатыльников, хотя и без того работал так же резво, как и родители. Скотину оттащили в погреба, часть успели разделать, запланировали завтра снова ехать в город — на базар, торговать. Вычистили часть загонов, прибрали утварь, все время орали и ругались. Работы было ещё по горло, все летали как ужаленные. Но у мальчика был свой источник энергии. Если они боялись, то он радовался. Неужели, правда!

К вечеру начался мелкий дождь. Воздух сгустился, стало труднее дышать, небо словно давило на голову, и ощущение со временем только усиливалось. Родители сидели на крыльце, курили и смотрели, как Явик метёт двор. Он так устал, что даже не обратил бы внимания на звук приближающихся лошадей, если бы не столь позднее время, когда люди обычно готовятся ко сну. Первыми перед открытыми воротами появились всадники в чёрных доспехах на белых лошадях. Чем дальше Явик пытался осмыслить ситуацию, тем сильнее болела голова. Он не мог поверить в реальность происходящего. И не понимал, что происходит с его телом. Ему не хватало воздуха, хотелось уйти от тяжести и холода, но он не мог сдвинуться — словно примерз. Не в силах оторвать взгляда он смотрел на приближающуюся фигуру на странном черном коне с белыми глазами и шерстью цвета смолы. Явик мгновенно понял, кто перед ним, и без сил упал на колени. Высокий, величественный, бледный, с утончённым лицом и острыми чертами, ледяными глазами. Волосы цвета снега, идеально сшитый походный доспех с гравированными элементами, меховый воротник, плащ, черные же перчатки и перстень-печать... Тёмный Лорд, правитель во плоти во дворе их убогого хозяйства. Явик не мог поверить ни глазам, ни ушам, ни себе.

Лорд осмотрел двор. Ему нужно было понимать, кто именно взывал к нему, у кого хватило сил. Придавленная к крыльцу его Волей парочка являла собой зрелище ничтожное и бессмысленное. Стекланные глаза и оторопь не удивляли. Они просто замерли мыслями и чувствами, смотрели и пытались понять, но просто не могли. Есть определённый, особо неприятный тип людей, предельно уязвимых к воздействию Силы. Они не первые и не последние. Не без интереса Его взгляд остановился на мальчике — слишком молодом для подростка и взрослом для ребёнка.

Ребёнок смотрел на Лорда без тени страха, впервые на этой земле кто-то смотрел на него с неподдельным чистейшим восторгом, как на сбывшуюся мечту. Его глаза горели желанием кричать от счастья. Он ждал Его. Тёмный Лорд спрыгнул с коня, изящно встряхнул рукой, разравнивая плащ, привычно сложил руки за спиной и с должным величием воззрился на ребёнка. Умерив разбушевавшуюся Силу, дабы дать людям немного свободы, он заговорил:

— Ты смог достучаться до моей божественной сущности. Догадался к ней взывать... Каковы твои имя и желание, дитя?

— Я... я звал... Явик, то есть Яваран — слова давались очень тяжело, но Явик боялся заставлять Его ждать, в тело медленно просачивался страх... как он посмел? — Я просил... Боже, что я наделал...

Поскольку такое случалось впервые за историю существования его земель, Аскар чувствовал редкий интерес к ситуации. Он прекрасно знал, как действует на смертных его присут-

ствие, и готов был ждать, пока ребёнок оправится от потрясения. Крайне необычная ситуация, выходящая за рамки бытия правителя. Даже необходимость искать нужное место, ехать через полстраны не остановила Аскара. Он слышал молитвы и как бог, услышавший единственного искреннего человека, решил проявить внимание. Увы, зов был очень слабым, и Аскару понадобилось время, чтобы за обрывками фраз и слов поймать нить и найти зовущего. Мальчишка не называл ни своего имени, ни правителя, и это ещё больше осложняло ситуацию. Тем не менее, это был зов, направленный конкретному богу, и Он откликнулся. Подумать только, сколько силы в этом ребёнке, если он смог... Или накопившейся боли, судя по фрагментам, которые слышал Аскар.

— Говори свободно. Ты действительно посмел звать меня, и у тебя нет права отказываться от содеянного. Говори, — последнее слово было произнесено не просто властно, оно стало молотом и наковальней одновременно.

Оглушительным ударом сжав в комок детское существо, он заставил его лопнуть и выплеснуть то, что должно быть сказано.

— Я молю Вас, Мой Лорд и г-господин, помогите мне, избавьте меня от жизни, которой я вынужден жить. Я не могу больше так... я так устал... — он зажмурился, кое как собирая в кулак остатки смелости. — Прошу Вас, дайте мне другую жизнь или смерть. Пожалуйста!

И ещё больше стал похож на комок. Он ждал чего угодно, когда правитель потеряет терпение — какой-то бури, как тот начнёт ругать за наглость, ожидал смеха, удара или, на худой конец, звуков разочарованно уезжающей процессии, но никак не оказанного ему внимания.

— Столь юный мальчишка, а уже просит о смерти?

— Да, господин.

— Подойди. Я желаю заглянуть в твою память.

С трудом поднимая своё невероятно отяжелевшее тело, на подламывающихся ногах, спотыкаясь, он приблизился. Его терзало ощущение, что он продирается сквозь песок по дну огромного чана, столь трудно давалось ему выполнение приказа.

— Ближе.

«Ещё ближе, охх...»

Лорд схватил его за подбородок и резко притянул к себе, заглядывая в глаза. И в этот же момент мальчишку пронзил такой холод, что, будь у него возможность, он бы закричал. Казалось, от прикосновения Лорда всё его тело до самых костей пронизывает лёд, замораживает кровь, мышцы, кости, ещё немного — и Явик будет просто разорван осколками изнутри. В беззвучном вопле распахнулся рот, и сознание захлестнули воспоминания.

Злобный рык отца, ремень, свиньи, кровь на спине, новые синяки матери, сломанные рёбра, голод, мерзкий вкус помоев, женский визг в ясный летний день, лицо повитухи и боль в груди, гречка под кулаками, учительская линейка, мокрые от крови штаны, запах сена и навоза, кошмарные сны, пирог на день рождения, жжение от первого алкоголя, игла и старый порвавшийся сапог, паук в углу спальни, любовные стоны и удары сверху, первая клубника, девочки, кочерга и кружащиеся по комнате искры из костра, сухие нежные руки матери, первое предательство, сорванный ноготь, вкус яблок из соседского сада, злая собака, рассказ старухи соседки, размытый мир из-за заплывшего глаза, игры на школьном дворе, ведро ледяной воды в постель, куча дерьма в луже крови, ночные молитвы, воображаемые разговоры, восторг после известия...

Лорд просматривал его жизнь, перелистывая все подряд воспоминания в совершенно хаотичном порядке. Наверное, это имеют в виду, когда говорят: «Вся жизнь пронеслась перед глазами». Непонятно, сколько времени прошло и сколько ещё необходимо. Мальчишке казалось, что он на грани срыва, на грани сумасшествия, когда Тёмный Лорд наконец-то отпустил его сознание.

Вмешательство было слишком глубоким. Вернувшись в реальность, Явик совершенно себя не контролировал, он стоял, напряжённый как струна, и дрожал так сильно, что стучал зубами. Холод от магического вторжения уходил, уступая пьянящему теплу, мышцы сводило судорогой. Погода, казавшаяся до того осенней, сейчас горячила тело и казалась самой приятной в мире. Сквозь гул в голове, как сквозь трясину, проник столь пугающий и столь желанный голос. Как сильно он ждал, как хотел его слышать, но как тяжело это оказалось на деле. Лорд был таким, как о нём говорили... или ещё хуже.

— Я могу освободить тебя от прежней жизни, обучить и сопроводить в новую. Не облегчить твоё существование, даже отяготить, но ты узнаешь всему справедливую цену, — после небольшой паузы, дав словам укорениться в шокированном сознании, Лорд продолжил: — Желаешь ли ты ступить на новый путь, наполнив жизнь тем, что даст тебе тот, кого ты так отчаянно звал?

— Д-да... — смог лишь выдохнуть Явик, он сам уже повторно предавался воспоминаниям и отчаянно желал оборвать с ними любую связь.

— Подумай хорошо, мальчишка, ты достаточно обо мне знаешь, чтобы понимать, на что соглашаешься. Ты частично лишишься свободы под моим началом. Пока ещё у тебя есть выбор. Ты уверен?

— Заберите меня отсюда, хоть в Ад, но заберите...

Тёмный Лорд резко развернулся и оседлал коня. Вновь с безжалостным спокойствием он бросил:

— Именно туда ты и попадёшь, — Аскар не любил слов для красоты, он уже готовил первый урок, который преподаст мальчишке, чтобы думал, прежде чем плевать словами.

Явик, практически придя в себя, вдруг всполошился.

— А как же... они? — он оглянулся на бледных от ужаса родителей, в чьих пустых глазах напрочь отсутствовало сознание.

— У них своя дорога, — коротко, но довольно жёстко ответил Лорд и, развернув коня, поехал прочь.

Один из чёрных всадников протянул мальчишке руку и затянул его в седло позади себя. Пришпорив лошадей, они понеслись за, как оказалось, уже довольно далеко оторвавшимся правителем.

Вся недолгая дорога до подобия гостиницы прошла в молчании. Явик поначалу пытался задавать вопросы Стражу, с которым ехал, но тот будто забыл о существовании мальчишка. Того, что их сопровождало меньше Стражей, чем явились тогда во двор, Явик не заметил.

Вскоре они прибыли на постоялый двор. Большое, но старое здание с облупившейся краской, местами потрескавшимися окнами и распахнутой настежь дверью. Мальчик был несказанно рад, потому что из-за сумасшедшей скачки в такую погоду он ужасно замёрз. Первым внутрь вошёл Лорд. Не глядя на остолбеневших хозяев, он бросил на стойку мешочек денег и сразу же направился к лестнице. Никто не проронил и слова. Мальчик тупо следовал за провожатыми.

Поднявшись наверх, Лорд уверенно шёл до самого конца широкого коридора, где располагались просторные покои для высоких господ. Стражи сразу же свернули в соседнюю комнатушку, ребёнок остался стоять, не зная, куда ему идти, пока Аскар не позвал его.

— Займёшь кровать, тебе нужен отдых. На рассвете мы двинемся в путь и не будем останавливаться, пока не доберёмся до столицы.

— А как же Вы? — мальчишка чувствовал дикую усталость и тяжесть, но не мог так просто взять и согласиться. Кровать была единственной.

Сняв походный плащ и доспех, оставаясь только в рубашке, Лорд ответил:

— Мне не нужен сон, — он расслабленно сел за длинный стол в углу комнаты, Явик уселся на кровать.

Спустя пару тихих минут в дверь аккуратно постучались и принесли поднос с огромным количеством еды, вином и графином воды. Еду и воду после короткого замешательства поставили на кровать, вино для Лорда на стол, и с поклоном удалились.

— Вам и еда не нужна... — уже утвердительно прошептал Явик.

Лорд не ответил, пригубив вино.

— Построивший эту гостиницу человек был одним из лучших, с кем мне доводилось быть знакомым. Удивительной силы воли и глупости женщина с огромным сердцем. Она собирала вокруг себя отребья и умудрялась в каждом оставить зерно блага. Что странно, она не обладала магией, её Дар исключительно человеческий.

Явик, затаившись, слушал.

— Время от времени я путешествую для контроля за порядком и по собственным делам. Многие, как и твоя семья, не в силах стоять на ногах передо мной, но эта женщина в своей простоте сперва даже не поняла, кто перед ней.

— Это — сила бога внутри Вас? — неосторожно перебил мальчишка и мгновенно в испуге закрыл рот руками.

Но ничего не произошло. Новоявленный ученик, освобождённый Его волей, заслуживал немного ответов.

— Это работает несколько иначе, но да, происходит это из-за того, кто я... Когда же один из работников рассказал даме, что происходит, она пала ниц и вопила что есть мочи, прося милости, прощения и всего, что они вечно просят. Интереснее то, что она по-прежнему не боялась меня. Она корила себя за неучтивость, как хозяйку. Даже при том, что в этот день за воровство лишился руки её сын, у неё сохранялось чувство долга, но не страха. Позже она не хотела и копейки брать за проживание нашей процессии. Заставили принять, как чаевые. При жизни, составляя завешание, она указала моё имя, как вечно ожидаемого гостя. Жаль, что её потомки не переняли и капли Дара. Весьма прискорбно. Более мы так и не встретились при жизни, но в последний сон я всё-таки её сопровождал.

Явика сильно клонило в сон, к еде он так и не притронулся. Немного сдвинув поднос в сторону, он прилёг, и только сейчас осознал, что по-прежнему не знает имени своего правителя.

— Мой Лорд, как вас зовут? — тихо и осторожно спросил мальчишка. Лорд снова отпил из бокала, заставляя мальчишку ждать.

Несмотря на усталость, тот слушал очень внимательно.

— Аскар. Моё имя Аскар.

— Тёмный Лорд Аскар, значит... красиво звучит, — внезапно произнёс Явик, чем вызвал заинтересованный взгляд правителя.

Сам Явик этого не заметил, его хаотичные мысли снова вернулись к дому и родителям.

— Мои мама и папа... Мне показалось, Вы были так злы, когда я спросил о них... — неуверенно выдавил он. — Что Вы с ними сделаете?

— Воздам по содеянному. Большого тебе знать не нужно. Спи.

Явик, повинаясь приказу, провалился в чёрную бездну. Он не видел снов, но спал весьма беспокойно. Должно пройти ещё много времени, прежде чем его организм привыкнет к ауре нового Учителя.

Как Лорд и сказал, на рассвете они отправились в путь. Неслись уже не так быстро, сохраняли пеший темп, чтобы не загнать лошадей. Иногда останавливались пополнить провизию и запасы воды. Ел Явик по-прежнему один, прямо в седле.

На подступах к столице он ошалело смотрел вокруг. Возвышавшийся вдалеке огромный Замок притягивал его, восхищал. Он понял уже, что это замок правителя. Впечатление подпортила только одна картина.

Над воротами, подвешенные за рёбра, на крюках висели обезображенные тела. Он понял, что в бытии учеником Тёмного Лорда подобных кошмаров он увидит ещё много, и старался не отводить взгляд. Это ждёт любого, кто верит в безнаказанность. От ответа не укрыться. Он обретал веру в неизбежность правосудия.

Куда мальчишке было узнать в этой нагой без кожи, исполосованной, местами кусками обвисшей плоти своих родителей...

3

Оркестр начал новую мелодию. Спокойную, слегка напряжённую, словно ей не терпелось уйти вразнос и унести гостей в очередном танце на вершину эйфории. Мужчины приглашали дам, пары занимали места. Все узнали эти звуки, предшествующие безумному вальсу. Кто-то устал после прошлых танцев и решил отдохнуть за бокалом вина, другие же, набравшись энергии, готовились продолжать. Именно перед этим танцем произошло то, чего все с нетерпением ждали. Тёмный Лорд встал и медленно шествовал по залу, выбирая ту, кого осчастливит танцем. Когда он лично устраивал бал, то всегда дарил публике один единственный танец, после чего его пару всегда ждали кардинальные перемены. Чаще всего таким образом он отмечал благодарность за верную, самоотверженную службу. Позже проводились встречи, подписывались документы, проходили назначения. Дворец немного менялся.

Наконец Аскар остановился у группы дам практически в конце зала. Все замерли в ожидании. Кто из них?

— Госпожа Данфорт, позвольте пригласить Вас на танец, — не нарушая идеальной осанки, он склонил голову и протянул приглашающую руку.

Воссиявшая женщина зрелых лет присела в глубоком реверансе и с удовольствием приняла приглашение. Стоит отдать должное, она выглядела много лучше своих подруг. Тонкие русые волосы она собранные в высокую причёску с множеством драгоценных заколок, диадема. Яркие зелёные глаза, сейчас скрытые ресницами, хорошо выделялись на ровном, напудренном лице. Худобу она пыталась скрыть за румянами и ярким, немного пышным платьем цветов спелого нектарина — красного с золотыми вставками, кружевами до самого пола. Тонкие руки и спина оставались открытыми, на запястьях блестели золотые браслеты. Она была хорошо подготовлена, шикарно выглядела, но всё же руки выдавали возраст.

— Мой Лорд, это невероятная честь.

Его кожа была сухой и прохладной. Прикосновения при этом мягкими, аккуратными, словно он работал с тонким ювелирным изделием. Невероятно легко, но властно Аскар провёл её в центр зала, и они заняли стартовую позицию. Дама Данфорт чувствовала себя буквально окрылённый и даже тяжелое платье не смело своим весом портить эйфорию.

На зал обрушилась музыка, быстрая, изматывающая мелодия вальса кружила всех по залу, словно снежинки в вихре. Вздymались юбки, сверкали драгоценности, образовывались новые знакомства, укреплялись старые. Даже те, кто остался отдыхать, начинали жалеть о своём решении, и некоторые пары, пусть и с опозданием, всё-таки присоединялись к этой буре. А в центре, в самом эпицентре, кружились Тёмный Лорд и Алая дама. Он вёл, она отдавалась власти столь особенного партнёра. Он неотрывно смотрел ей в глаза, она старалась с его взглядом не встречаться. Он читал её опасения, она же, пользуясь этой близостью, изучала его внешность. Седину в аккуратно зачёсанных назад светлых волосах, гладкую кожу, ровный нос, острые скулы, тонкие бледные губы, красивый подбородок, не испорченный ямкой. Он выглядел молодым, но что-то в его образе указывало на гораздо больший возраст, чем кажется. Возможно, вечная сдержанность и холодность... Она ждала, когда же Аскар выскажет причину оказанной чести. Музыка переходила в более спокойную, словно затишье перед бурей, фазу, и он начал диалог.

— Ваш муж был бесценным подданным, он сделал очень много для поддержания порядка в моих землях, — Лорд говорил удивительно светским тоном.

Не будь образ правителя столь силен в сознании людей, она могла бы забыться и проникнуться чувством, что говорит с обычным вельможей. Они были яркой, красивой парой. Венцом сегодняшнего праздника.

— Благодарю Вас, мой Лорд. Он всегда верил в своё дело.

— Я слышал, дни траура уже позади, Вы с головой ушли в дела, что он не успел закончить.

— Это так, Мой Лорд. Он начал разработку нескольких крупных проектов. Я позабочусь, чтобы Вам передали записи, как только во всём разберусь.

Данфорт была огнём, Лорд Аскар — пеплом, она была солнцем, он — тенью, она была кровью, он — льдом. Он не противостоял ей, но перечёркивал её существование.

— Не стоит, — сказал, словно спустил гильотину.

От резко изменившейся интонации у неё мурашки пошли по телу, но спросить она ничего не успела. Музыка достигала своей кульминации и вновь неслась, как сумасшедшая. Движения ускорялись, па усложнялись. Буря с грозой, волнующееся море, хохот безумного рыбака, вышедшего в плавание, гром и пожары мерещились в этой музыке. Она горячила сердца и головы, разгоняла кровь. Во время одной сложной поддержки, на самом пике безумия, когда дама кружилась в воздухе, расставив руки, словно крылья, их лица почти соприкоснулись. Тёмный Лорд вынес приговор.

— Вы должны умереть, госпожа Данфорт.

Сердце пропустило удар, она не смогла правильно встать после полёта, ноги подломились, но Лорд мастерски перевёл падение в ещё одну тесную поддержку.

— Не прекращайте танцевать, жизнь ещё продолжается, — его голос обрёл именно ту форму, которая забирала волю; вызывая озноб и дрожь в руках, пробуждала страх.

Аскар вытаскивал в реальность мрак из ночных кошмаров, его невозможно было не слушать, слова оставались рубцами в сознании.

— Вы знаете... — у женщины кружилась голова, она двигалась абсолютно автоматически, повторяя движения сотни раз пройденного танца, но её тело немело. Музыка сбавляла обороты, природа успокаивалась, после бури всегда выглядывает солнце.

— Конечно. Но я ждал, хватит ли у вас совести использовать украденные средства на лечение супруга.

— Но он был неизлечимо болен...

— Ваша наглость настолько затмила разум, что Вы осмелились лгать буквально мне в лицо?

В подчинении Лорда достаточно травных дел мастеров, которые могут изготовить необходимые лекарства. Это требовало лишь вложений, куда больших, чем владел муж дамы, покойный герцог Лой Данфорт.

— Вы правы... — всё, что могла она сказать.

Приговор вынесен, она ничего с этим не сделает. Женщина несколько лет уже как запустила руку в государственную казну, поначалу из нужды. Какое-то время она боялась, что всё всплывёт и надеялась лишь, что Лорд простит ей это, потому что нужда её действительно была велика, на кону стояло её женское здоровье. Но когда месяцы спустя никаких признаков обнаружения так и не было, она вновь решилась. В этот раз ради женских желаний. Когда же заболел муж, она так и не смогла переступить через свою жадность... В действительности в их семье не было любви. Это был один из так часто случавшихся политических браков. Она знала, что требовалось для лечения, знала и где это достать. Но ей настолько надоела семейная жизнь, что принято было тяжелейшее в жизни решение, фактически равносильное убийству. После оставалось лишь уладить наследственные вопросы, и она могла быть свободна.

Сейчас же наступало нервное оцепенение. Близость предстоящей смерти сковывала её разум и вытесняла все эмоции, кроме одной. Женщина старалась изо всех сил держать себя в руках. Странно, но доверие к партнёру в танце также помогало ей не провалиться во тьму. Обстановка бала, музыка, яркий свет, запахи духов, цветов, хорошего вина и шикарной еды, радость окружающих смягчали хватку страха. А она с удовольствием позволяла мозгу заниматься самообманом, лишь бы не сходить с ума сию минуту. Глубоко внутри загло своё пламя

ещё одно яркое подозрение. Старая опытная женщина смогла собрать крупницы самообладания, чтобы задать последний свой вопрос в этом танце.

— Как? — и впервые за всю жизнь встретила с Ним взглядом.

Танец завершался резким разворотом, женщина прогнулась в спине, вновь доверяя своё тело в руки Лорда. Аскар склонился над ней, волосы опали на одну сторону, скрыв их от многих посторонних глаз. В его взгляде ей мерещились металлические опилки и плавленное серебро. Странные, практически ювелирные образы... Но ей было холодно, ноги больше не держали. Взгляд Лорда пронизывал её сущность, заставляя утопать в светлых глазах. Проваливаясь в обморок, она всё-таки успела услышать ответ.

— Я вновь удостою вас чести.

Вернув лицу холодное выражение величественного спокойствия, Тёмный Лорд Аскар выпустил тело из рук и, не оглядываясь, направился к своему месту во главе пиршественного стола. Люди в оцепенении не произносили ни звука: одни смотрели на бледное тело ещё недавно счастливой дамы, другие вновь чувствовали давление воздуха и косились в сторону правителя, ожидая объяснений.

Не дойдя до кресла, но будучи уже на возвышении, Аскар повернулся к залу и сделал объявление:

— Госпожа Данфорт за воровство из казны и преднамеренное бездействие по отношению к здоровью другого человека, приведшее к его смерти, будет казнена. Исполнение приговора пройдёт на следующей неделе на территории Тюрьмы Падших. Бал окончен, господа и дамы.

По залу прошла волна испуганных и сочувственных вздохов, из нескольких углов слышался тихий смех. Само по себе это место не являлось хуже или лучше подобных мест. Волнение вельмож вызвал другой факт... В этой тюрьме содержались заключённые, работали штатные экзекуторы, там отсидживали сроки, проходили перевоспитание, трудовые повинности, здесь допрашивали, пытали, но обычно не убивали. В Тюрьме Падших казнить виновных мог только лично Тёмный Лорд. Это было ужаснее всего, потому что означало, что уходить из жизни женщина будет очень тяжело.

Релия Данфорт очнулась в своих покоях, чего на самом деле совсем не ожидала. Свежий воздух и лёгкий запах цветов не успокаивали её. Прежде чем открыть глаза, она пролежала ещё довольно долго. Женщина опасалась увидеть вокруг другое помещение, но всё обошлось. На часах, что стояли рядом на столике, отмечалась глубокая ночь. Слуги перевели календарь. Она провела без сознания всего несколько часов. Позже дворецкий рассказал, что после бала её передали слугам, которые осторожно доставили её домой. Все считали, что она, как это часто бывало, гуляла на полную и просто уснула. До имения Данфортов новость ещё не долетела.

Вызвав колокольчиком дворецкого, она отдала несколько приказов по подготовке новой поездки. И только тогда заметила на кровати, на месте, где ранее спал её ныне покойный муж, письмо с гербовой печатью правителя. Сердце снова ухнуло в пятки. Сделав глубокий вдох, уняв дрожь, она распечатала конверт.

От руки написанное оно кололо глаза. Красивые буквы, но острые. Этот почерк вызывал отторжение, напоминая ряд шпилей с тюремных стен или зубцов пилы. Казалось, о текст можно порезаться.

«Доброе утро, госпожа Данфорт. Вы были не в состоянии продолжать диалог, поэтому я позаботился о Вашем покое. Как Вы уже могли понять, Вы остаетесь на свободе, а не под стражей. Вы сможете закончить свои дела и попрощаться с родными. Это единственное, что я могу позволить в память о покойном герцоге Данфорте. Будьте мужественны, госпожа, дождитесь нашей встречи. Не разочаруйте меня. С уважением, Тёмный Лорд Аскар»

Испытывая смесь ненависти и ужаса, она сожгла письмо в пламени свечи и старалась больше о нём не думать.

«Дождитесь нашей встречи. Не разочаруйте меня.»

Через час всё было готово, и она отправилась к сводному брату, единственному, кто мог ей помочь. Граф Галенц проживал в соседнем городе, владел относительно небольшими землями с несколькими пригородными деревнями. Титул достался ему по наследству, и это хорошо, потому что граф совершенно ему не соответствовал. Плутоватый мужчина предпочитал роскошную жизнь деловой, делами же занимались его слуги. Пожалуй, его дворецкий ведал в его жизни больше, чем он сам. Тем не менее человеком граф был неплохим, слуги относились к нему со снисходительным уважением. Сестру он любил искренне, по-детски, и по возможности всегда помогал. Вот и сейчас, когда она, нервная и уставшая, среди ночи явилась в дом, он встретил её как всегда радушно. Вкратце рассказав о случившемся, дама впала в лёгкое оцепенение, которое часто наступает, когда душа уже излита. Граф же сидел бледный, как мертвец, и примерно так себя и ощущал. Он не готов был выступать на её стороне... его любовь не была сильнее страха перед Законом. Единственное, что он мог ей посоветовать, — поторопиться. Но в помощи, первый раз в жизни, отказал.

Полная безысходности госпожа Данфорт покинула дом и в карете пережила настоящую истерику. Отец никогда ее особо не поддерживал, с сестрой они не в ладах, дети едва едва вступили во взрослую жизнь, и брат — единственная ее надежда — отказал. Успокоить её смог только кучер, доверенный человек дворецкого, который, как оказалось, уже озаботился её проблемой. Вездесущий Ливлин знал, что произошло на самом деле. Он знал об этом раньше, чем её привезли домой, и успел связаться с нужными людьми «изгнанников». Кучер рассказал, что они согласились организовать побег...

Подготовка требовала два дня, через четыре начиналась новая неделя. Она надеялась, что всё пройдет быстро и гладко. Времени в обрез, но тем и лучше — чем быстрее выполняется план, тем ниже риск его раскрытия.

Эти дни она провела как на иголках. Паковала самые важные вещи, украшения, документы, никому больше ничего не говорила. Она доверяла своим слугам, но боялась, как говорится, сглазить. Что же касается семьи, то им вряд ли что-то грозит — любое расследование докажет их непричастность. Как и предлагал ей Лорд, она съездила к родственникам, рассказала о случившемся и попрощалась. Все они, как один, говорили о сочувствии, но никто не предлагал спасения. Лишь отец, не сдержав слёз, просил её ехать к повелителю и молить о мягкости. Он, как делопроизводитель, быстро уцепился за то, что Лорд не вынес окончательного решения о способе казни и здраво считал, что можно ещё надеяться на Его снисходительность. Это была очень хорошая идея, но госпожа Данфорт приняла другое решение. Сейчас ей оставалось немного подождать, и она сможет сохранить жизнь.

Дай бог, чтобы всё получилось...

За день до назначенного, она встретила наконец со своей сестрой. Они всю жизнь не ладили, вечно завидовали друг другу. Канариана делала всё, что позволяли законы, но держалась буквально на грани. Не страшась риска, она лезла в передряги, устраивала вылазки, кутила и веселилась. Всегда стараясь соблюдать правила, она тем не менее без страха ходила по лезвию. Многие завидовали её свободе, многие боялись делать то, что делала она, и тем не менее горячо этого желали.

Старшая же, Релия, старалась быть идеалом. Ей не нравилось многое из того, что делала сестра, но вместе с тем сильно завидовала свободе, которую та себе предоставляла. Кана порой уставала от самой себя, пресыщаясь удовольствиями и развлечениями, и завидовала той, чьей радостью было угодить семье. Как так получилось, что Релия решилась на ужаснейшее в этих землях преступление, а Кана была горячо любима своим окружением, как свободнейшая из законопослушных дам, неведомо никому...

За чаем они говорили долго. Кана не впадала в траур и не несла сочувственной околесицы. Она всегда понимала: заслужила — значит, заслужила. Но в этой ситуации причиной её

спокойствия было кое-что иное. Она единственная, как никто другой, знала и понимала свою сестру. Она единственная задала вопрос, не касающийся вины Данфорт.

— Релия, что ты задумала? — спросила она, вдруг помрачнев.

— О чём ты, сестра? О чём я сейчас могу думать, кроме предстоящей смерти? — отвечала та недоумённо.

Кана состроила кислую мину, с которой слушают откровенно бредовые речи. Только тогда госпожа Данфорт раскололась.

— Я бегу, Кана. Сегодня ночью. Я слишком молода, чтобы умирать.

— Ты не слишком молода, ты наивна, сестрёнка, как всегда. Думаешь, тебе это сойдёт с рук? А что, если кто тебя сдаст?

— Неужели ты, Кана? Не мели чепухи, никто об этом не узнает. Ливлин принял меры.

— Ты уже однажды обожглась, думая, что Ему ничего неизвестно.

— Тогда я была слишком близко, я была слепа, когда смотрела в казну и не смотрела, что происходит за спиной. Если никто не донесёт, Он ничего не узнает. Мы всё сделаем тихо, так, что до последнего непонятно будет, куда именно мы едем.

— Ты всё-таки идиотка. Он практически прямо пишет! Мне кажется, он следит...

— Что ты можешь знать, Кана, ты же Его в глаза никогда не видела, даже на бал приезжать тряслась, как осиновый лист. Нет, я не готова умирать, я так мало прожила, мне столько всего ещё хотелось бы сделать в этой жизни! Если даже за нами будут наблюдать, то, когда они поймут, что происходит, будет уже поздно. Чего ещё ты от меня хочешь?!

Кана сдалась. То, что она хотела сказать, она оставила при себе.

— Ничего... просто будь осторожна, пожалуйста.

Страх смерти уже давно победил в её сестре остатки благоразумия.

«Мне кажется, Он ждёт этого от тебя.»

— Обещаю, я напишу тебе, когда покину эти земли.

На том их встреча и закончилась.

Релия Данфорт... Она договорилась с дворецким бежать из его небольшого загородного дома. Всего одна повозка для её вещей, двух слуг, дворецкого и её самой. Всего четыре человека и возница под покровом ночи стояли на крыльце у дома. Ничего особенного, госпожа Данфорт практически всегда путешествовала ночами и практически всегда со свитой. Погрузившись с вещами, они отправились в путь. Кучер время от времени, успокаивая ее, говорил о дороге. Он рассказывал, куда и почему сворачивает, какие пути выбирает, где кто живёт и всякую чепуху, лишь бы занять её ум и снять волнение. Подъезжая к одной из развилок, кучер рассказал, какая дорога ведёт к столице и какие ещё города и земли им нужно пересечь. Около суток езды, если не останавливаться. Столица оставалась в другой стороне. Последний рывок, как подумала дама. Пара сотен метров — и она будет на прямом пути к свободе. В сердце теплилась надежда. Ночь стояла холодная, но Данфорт впервые захотелось убрать плед и, расправив плечи, смотреть в будущее. Она распахнула штору каретного окна и взглянула на небо. Только что они миновали развилку. Звёзды и луна светили так, что фонари на улицах были не нужны. Что-то с улицы сразу же попало в глаз. Пока она растираниями пыталась убрать столь острый осколок, кучер вдруг остановил повозку. Дворецкий стучал в стенку, звал его, но тот не откликался. Нужно выйти посмотреть, что произошло. За ним решила последовать и Релия. Она волновалась. Что-то не так.

Едва ступив на землю, она увидела, как дворецкий, схватившись за голову и тонко заскулив, упал на колени и свалился на бок. В следующее мгновение она так же не устояла на ногах. В ушах звенело, голова разрывалась, навалилась такая невыносимая тяжесть, словно ей на плечи закинули стопудовый мешок. Медленно она так же опустилась на колени, одной рукой упираясь в землю, второй растирала по лицу кровь из носа. По телу прошла волна сильного покалывания, как после онемения, и столь интенсивный холод, будто кожа буквально замерзала,

прямо сейчас. Она начинала понимать, что происходит, и обуявший её страх перерос в тихий ужас, когда в голове зазвучал Его голос.

— Действительно нет предела человеческой надежде. Вы вынуждаете меня пригласить Вас в гости на несколько дней, госпожа Данфорт. Закройте глаза.

Прежде, чем она увидела, как её тело распадается на части и превращается в дымку, женщина успела зажмуриться, скорее от ужаса, чем по просьбе Тёмного Лорда.

Через несколько секунд она услышала камин и почувствовала, что сидит в мягком кресле. Неприятные ощущения медленно отступали, хотя утомляющая тяжесть не пропадала. Открыв глаза, она первым делом увидела тот самый камин, обрамлённый чугунными литыми образами. Там были химеры, необычные птицы, черепа, пауки и очень много терна. Она подумала, что камин похож на малые врата в Ад. Провела рукой по лицу — крови тоже больше не было. Услышав стук бокала о деревянный стол, она резко оглянулась. В соседнем кресле расслабленно, не глядя на неё, сидел Аскар и держал на коленях небольшую закрытую книгу в бордовом переплёте без каких-либо надписей. Сейчас, в этой обстановке, на мгновение он показался ей уставшим. Но... устают ли боги? Её продолжал сковывать страх, но обстановка смягчала его тиски. Перед ней на столе так же стоял бокал вина. Во рту пересохло, но она не могла заставить себя пошевелиться. Молчание затягивалось. Она думала, так много думала... кто мог её предать? Почему она здесь? Что будет дальше? Почему она по-прежнему не в камере? И что это за вино? Она вспоминала слова отца, слова сестры, думала, что они что-то знали. Думала, они единственные, кто её не так уж сильно жалел и утешал. Думала о бледности и сдержанности брата после её рассказа. Кто? Она вздрогнула, когда Аскар заговорил, вновь первым нарушая тишину.

— Предательство — худшее из преступлений, госпожа Данфорт, — тем же светским тоном, что и на балу, говорил он.

— Релия. Прошу Вас, просто Релия, — ей было больно слышать официальное обращение из его уст, будто она для него хоть на каплю ещё что-то значила.

Но Лорд не допускал фамильярности. Он ценил каждого человека... по заслугам их. До тех пор, пока кто-то не ступит на путь невозврата. Человеческая жизнь обесценивается только со смертью.

— Почему люди всегда раздумью предпочитают действия, ведущие к итогу, подобному Вашему? — сухо спросил он.

Она рискнула оставить вопрос без ответа, уловив в нём нотку риторичности.

— Как вы узнали?

Лорд действительно оставил отсутствие ответа без внимания. Но он начинал вновь обретать свою вечную холодность и собранность. Разочарование, каким бы оно ни было, не отменяет, а лишь укрепляет его Волю. Крайне редко кто по-настоящему осознаёт неизбежность как понятие.

— Мои обещания нерушимы, госпожа. Если я сказал, что окажу Вам честь в последний раз, Вам не избежать этого, — вновь властно проговорил он, вселяя в даму крепкую и до самого конца не уходящую безысходность, а после паузы добавил: — Жизнь всё ещё продолжается, не отказывайте себе в удовольствии. Такого вина Вы никогда не пробовали и больше не попробуете. Его из последнего урожая готовил мой библиотекарь.

Вновь сглотнув ком в горле, Релия медленно подняла бокал на уровень камина. Вино переливалось красивейшими оттенками рубинового, играя с огнём, скованным стенками бокала. Аромат, который чувствовался в помещении до этого, стал ещё ярче. Он навевал образы осени — палой листвы, дождя, мокрой древесины, орехов, и чего-то тонкого, едва уловимого.

Она пригубила. Этот тонкий, едва уловимый аромат раскрывался вкусом во всей красе. Сильная руководящая нота мускатного ореха. Вино действительно было восхитительным, каж-

дая железа во рту пела от удовольствия. Она осторожно пригубила ещё раз. Женщина не боялась, что вино будет отравленным.

Лишь жалела, что оно наверняка таким не будет.

По телу разливалось приятное тепло и расслабление. На какое-то мгновение она отвлеклась, потеряла ощущение реальности. Сгустившийся воздух уже не казался таким тяжёлым. С третьим глотком она открыла новые вкусовые букеты. Терпкость уступала мягкости, кислота — солоноватому металлу. Атмосфера осени менялась спокойным размеренным вкусом зимы, мерзлых ягод, снега, свежести, цитрусов и крепкого чая.

— Это невероятно, Вы чувствуете то же? — шептала она.

Аскар не отвечал. Сегодня спокойный вечер. Немного работы. Яваран уже долгие дни не вылезает из библиотеки. На улицах столь редкое спокойствие. Мир засыпал вместе с заканчивавшейся осенью. Его разум занимала лишь одна проблема, сидевшая сейчас рядом. Он ждал, терпеливо ждал правильных решений, здравых суждений, принятия своих ошибок и своей судьбы. Терпеливо ждал, придёт ли она, воспользуется ли своим единственным шансом. Но она всего лишь человек. То существо, о которых боги с особой интонацией и выражением говорят «люди», словно о насекомых.

Он не надеялся, он ждал. Повода. Возможности. Он знал, что она не придёт. Он ждал, что же ещё она предпримет, чтобы ужесточить свой конец.

Сейчас он чутко улавливал её удовольствие и позволял этому быть. Чувствовал в её дыхании и в движениях легчайшие изменения, которым она с такой готовностью поддаётся. Позволяя ей плавать на облаках вкусового блаженства, он время от времени раз за разом вгонял в её сердце ледяные осколки отчаяния.

— Вы не верите в страдания, госпожа Данфорт. Всю жизнь Вы боялись абстракции, совершенно не понимая, что это. Вы считали, что всего в мире можно избежать, если у вас есть деньги.

Ей не нравился настолько прямой разговор. Прямота нечастое явление в светских кругах, вельможи слишком умны, прямота вызывает у них скуку. Но Тёмный Лорд произносил эти жуткие слова так, что она чувствовала — то, о чём он говорит, страшно, по-настоящему страшно. Она представить себе ничего не могла, кроме того, что иногда видела на площадях, и всё это казалось ей сейчас пустыми, бездушными картинами бездарного художника. От Его слов веяло чем-то огромным, острым, бездонным. Это слишком живые слова.

Голос на задворках сознания тихо скулил, царапая сердце необычным гнетущим чувством.

— Зачем я здесь сегодня, мой Лорд? Собираетесь устроить расправу раньше? — она храбрилась, пытаясь обуздать себя.

От камина резко дохнуло холодом, словно кто-то приоткрыл окно и тут же захлопнул. По телу пробежали мурашки, дама вздрогнула.

— Всему своё время. Назначенное не изменится.

— И вы уже определили... способ?

— Да. Сегодня.

Ей снова стало холодно, на лбу выступил пот, бокал скользил в дрожащих влажных ладонях. У неё действительно был шанс всё это время. Был... Аскар продолжал.

— Вам стоит поберечь силы. Для Вас я хочу устроить нечто запоминающееся.

— З-зачем Вам это? Почему В-вы прост-то не убьёте меня? — эффект вина как рукой сняло.

Это острое, как игла, обещание пронзило её с ног до головы, она ощутила свой страх не комом в груди, а всё расширяющимся раскалённым прутком. Женщина хорошо понимала, что Лорд играет с её эмоциями, начиная празднество уже сейчас, но была не в силах им противостоять. Она наконец-то начинала видеть в Нём не просто жестокого бессмертного прави-

теля с тяжёлой репутацией. Только сейчас она действительно видела в бледном лице, угольном одеянии и пепельных глазах могущественного полубога, с его силой, возможностями, целью. Пламя камина не играло красками в этом образе, тьма, окружавшая Аскара, не давала свету коснуться Его.

— Вы сами дали мне прекрасную возможность, госпожа. Я — Ваш способ уйти из жизни. Вы вычистили, наточили инструмент, оборудовали залы, зажгли свет, назначили порядок, — он вновь отпил из своего бокала. — Каждое Ваше действие отбирало и сортировало лучший инвентарь для воплощения Вашего ужаса. Ваши действия привели к тому, чем Я стал для Вас.

— Вы — чудовище...

— Должен также отметить, что Ваши решения повлияли и на другие судьбы, — так же холодно, проигнорировав реплику, добавил Лорд.

Она задумалась... В ней ещё хватало человечности, чтобы помнить о тех, кто пытался ей помочь. Но тем не менее с возрастающим опасением она ждала, что может вызвать гнев.

— Прошу Вас, не трогайте моих слуг, они лишь выполняли свою работу.

— Они предали корону, выступив против моего решения. Считаете, они не должны за это ответить? — сталь, очередной ледяной осколок.

— Они хорошо служили мне, выполняли только свою работу, пожалуйста... — она шептала.

— Я не прикоснусь к ним, будьте уверены. Не каждому суждено получить награду из моих рук. Но Вы должны понимать, что их судьба всё же неизбежна.

Дама Данфорт опустила голову. Уткнулась глазами в вино и вновь сделала глоток. Оно помогало на короткое время ослабить давление, которое оказывали на неё все эмоции, ситуация и разговор. Вопреки её надеждам она не ощутила цветочно-весенних настроений. Металл, холод, мягкость, соль и мёд слились для неё в один плотный, вязкий, немного тошнотворный вкус. В нос ударил запах, которого она ранее никогда не чувствовала так остро, но безошибочно определила. В ужасе она выронила бокал. Неужели она совсем ничего сделать не сможет? Аскар прикрыл глаза, наслаждаясь неожиданным оттенком.

— Библиотекарь назвал это вино Нектаром надежды, — тихо говорил он, пока Данфорт поднимала бокал. — Я позволил ему не рассказывать, в чём особенность. По правде говоря, сегодня я попробовал его также впервые — и мне по душе такая интерпретация.

Релия слушала внимательно, но её слабо волновали эти светские рассказы. Сейчас она пыталась придумать, как можно смягчить правителя в отношении её слуг. Предали корону. Предательство — худшее из преступлений. Она уже понимала, что её судьба написана. По-прежнему она понятия не имела, что будет происходить, но хорошо ощущала чёрную бездну, только и ждущую, чтобы её поглотить.

Кое-что она может сделать!

— Могу я просить о предсмертном желании? — тихо, с новой надеждой спросила она.

Лорд молчал, давая её нервам время поднять новую бурю. Неожиданно вовремя пришёлся подарок библиотекаря. Этот... нектар... замечательно дополнил палитру, которую Лорд использовал в своём искусстве.

— Можете, — величайшее дозволение.

Она провела рукой по лицу, стирая выступившие слёзы, собирая остатки смелости в кулак. Женщина постепенно впадала в то отчаяние, которое чувствовала после отказа брата. Но там был глубокий подземный поток, здесь же — море. Она держалась на плаву, но как только силы закончатся, никакое течение не поможет выбраться на берег.

— Вы уже... отдали приказ... о них?

— Ещё нет.

— Тогда вот моё последнее желание. Прошу Вас, сохраните им жизнь и позвольте самим выбирать свой дальнейший путь...

— Вы высказали два желания. Я не вправе отказать лишь в одном. Они останутся в живых.

Это звучало в разы хуже, чем простое Нет. Данфорт со всей ясностью осознала, что её порыв приговорил их к чему-то действительно ужасному. Что может заменить смерть, не теряя в силе? Судьба, заставляющая о ней мечтать... Внезапно Аскар щёлкнул пальцами, Релия снова вздрогнула, как от пощёчины. Это точка в её спокойном существовании? Нет, всего лишь камин стал медленно угасать. Света не становилось меньше, тени медленно перетекали в другую сторону, скрывая лица. В другой части кабинета зажглись свечи.

— У Вас был тяжёлый день, госпожа Данфорт. Хорошо, что Вы составили мне компанию этим вечером, но Вашему телу нужен отдых. Сейчас Вы — моя гостья, не стоит себя утомлять.

— Но...

— Вас проводят, — вот теперь точка была поставлена.

Слова застряли у неё в горле, подкатил страх такой силы, что она не смогла нормально встать, её мгновенно схватил за руку и помог не упасть один из ниоткуда появившихся Чёрный Страж. Она думала, что теперь её повезут в тюрьму, но с не совсем уместным облегчением увидела, что Страж, ведя её по коридорам, открыл для неё дверь просторных покоев на этом же этаже. Войдя, она услышала, как дверь закрылась, без сил осела на пол и безудержно разревелась, выпуская наружу грозу, поднятую в её душе Тёмным Лордом.

Аскар ещё некоторое время смотрел на дотлевающие в камине угли. Света от нескольких свечей едва хватало, чтобы рассмотреть очертания кабинета. Он сделал последний глоток вина перед тем, как продолжить работу. Столь сильный ранее вкус крови удивительно гармонично уступал место оттенкам шафрана, аромату свежей травы, ландышей и влажной почвы.

4

— Ученик Аскара не может проиграть, да? — насмешливо говорил светловолосый мальчишка, нависая над поверженным Явараном.

— Марк, идём, пока не накликали беды! — друзья его позитив не разделяли.

Спровоцировать Яварана оказалось довольно просто, стоило лишь ляпнуть кое-что о его учителе. Правда, когда парень назвал имя, Марк чуть не выронил меч... его за такое определённо не простят. Нужно скорее заканчивать здесь и идти с повинной, потому что иначе будет хуже.

Внезапно лежавший под клинком Яваран вскрикнул и выгнулся дугой, глаза остекленели, скрипнули плотно сжатые зубы.

— Эй, ты чего? — Марк, едва успев отвести меч, с опаской присел рядом.

С трудом он разобрал в хрипе ответ:

— Лорд зовёт... закрой... глаза.

И через пару секунд он начал распадаться на части и таять в воздухе. Не исчез ещё полностью Яваран, Марк в ужасе увидел, что с его руками происходит то же самое, и быстро зажмурился до пляски разноцветных пятен в глазах. Больше он ничего не чувствовал. Он так же часто дышал, ощущал тело, ничего не изменилось, только воздух вдруг стал сухим, вместо мягкой почвы ноги чувствовали твёрдый пол, и прежде, чем он успел распахнуть глаза, услышал полный льда голос, будто из головы исходящий, а не из уст пригласившего их.

— Ты нарушил запрет, поддался эмоциям. Более того, ты использовал моё имя в качестве доказательства своей силы. И проиграл.

Ученик стоял на четвереньках, придавленный Волей Лорда. Марк переживал всё ту же дикую тяжесть, что и все, но сковавший его страх не позволял пошевелиться. Они находились в просторном рабочем кабинете, Лорд стоял, опершись о рабочий стол и скрестив на груди руки. Одет он был в классический свой наряд из чёрной рубашки с воротом и длинного кожаного плаща без рукавов. На ремне — гербовая пряжка, на руке с чёрными ногтями — перстень-печать. Свет в кабинете приглушён, где-то сзади потрескивал камин. Марк планировал идти с повинной, но не к Нему же лично!

— Я пытался защитить честь своего учителя... — пытался оправдаться Яваран.

— Кем ты себя мнишь? Как можешь ты защищать честь того, кто несравнимо сильнее тебя? Ты всё ещё не умеешь вовремя задуматься о последствиях, — пока что Аскар игнорировал второго призванного.

Лицо сохраняло своё вечно спокойное мрачное выражение, лишь глаза, необыкновенно яркие, смотрящие свысока, выдавали наличие эмоций. Он снова был разочарован.

— Я совершил ошибку... — Яваран не извинялся, так как знал — это бесполезно.

Он будет прощён только когда понесёт заслуженное наказание.

— Ты знаешь, что должно быть сделано. Озвучь и выбери исполнителя. Самостоятельно.

Ученик знал, он был готов ещё в тот момент, когда клинок противника касался его щеки. Но сейчас он боролся с неизбежным страхом. Лорд Аскар давил. Под этой тяжестью Яваран пригнулся ещё сильнее, почти касаясь лбом пола.

— Тридцать ударов кнута. Исполнитель... — он на минуту задумался, после чего уже самовольно приник к полу. — Ваше Величество, Тёмный Лорд Аскар. Лишь от Вашей руки я получу то, что заслужил. Прошу Вас.

— Выбор сделан. Готовься, я буду ждать тебя внизу, — всё так же холодно приказал Аскар и обратил взор на второго гостя. — Что касается тебя...

Марк перебил его:

— Мой Лорд! — он также упал на колени, душевный порыв оказался сильнее страха перед Аскаром, хотя его действия уже являлись дерзостью.

Он был достаточно наслышан о кнутах, понимал, что такое приглашение уже не сулит ему ничего хорошего, а значит, нужно стараться смягчить правителя. К тому же он был уверен, признание оценят.

— Прошу Вас, пощадите своего ученика, он не хотел сделать ничего плохого.

— Благородство победившего?.. Я не отменяю окончательных решений.

— Нет... Ваш ученик пощадил меня. Он хотел лишь проучить меня за злословие, но не убивать, он сдерживался, чтобы не навредить мне слишком сильно. Я заслужил его гнев... и Ваш. На мне лежит такая же вина, поэтому прошу Вас, разделите его наказание между нами.

— Молчи, дурак, ты не знаешь, чего просишь! — шипел Яваран, он слишком хорошо знал жестокость своего Учителя.

Аскар мыслью вдавил ученика обратно в пол и вновь перевёл колкий взгляд на Марка. А ведь Яваран верно говорит...

— У тебя своя дорога, мальчишка. Не думай, что твои действия стоят меньшего, чем неповиновение моего ученика.

— Я знаю, мой Лорд. Но также в поединке я понял, каков Ваш ученик, — парень говорил быстро, пытаясь опередить свою трусость. — Я совершил огромную глупость и не хочу, чтобы он так страдал из-за меня. Прошу Вас, разделите его наказание на нас двоих.

Аскар приблизился к гостю. Давление становилось практически невыносимым, но в следующий миг Марк ощутил лёгкость и пустоту. В его чувствах остались только холод, страх и его желание. Руководимый Волей Тёмного Лорда, он поднял голову.

— Думаешь, выдержишь?

Этот голос... так страшно. Марк дрожал, стуча зубами, он не находил в себе сил ответить.

«Не знаю, но хочу попробовать», — хотел ответить Марк, но не мог разомкнуть рот, челюсть сводило судорогой. Теперь он был уже ни в чём не уверен, он хотел только свободы.

Внезапно Лорд отпустил клещи, сжимавшие его сознание.

— Раз ты так рвёшься в мои руки, я приму твоё предложение. Но делиться ничто не будет. Коль желаешь чувствовать то же, что и Яваран, я повторю его наказание на твоём теле в полном объёме. Это всё.

С этими словами он выставил молодых людей за дверь думать и готовиться. Яваран сразу же кинулся на Марка.

— Ты чёртов идиот, что ты натворил?!

— Что надо, то и натворил. Тебе-то что?

Схватив Марка за рубаху, Яваран рычал ему в лицо:

— Разве ты не знаешь, что он никогда не смягчает своих решений? Ты просто ИДИОТ!

Яварана разрывало от досады, стыда и страха. Он знал, знал, знал то, чего не понимал Марк. Давила память прожитых лет. Ну на кой ему было влезать?!

— Отцепись от меня, придурок. Я хотел помочь.

Яваран резко отпустил его, услышав шаги. Аскар покинул кабинет и, не глядя на юношей, ушёл в сторону лестницы к подземельям. Как только он скрылся из виду, Яваран продолжил ругань, уже гораздо тише.

— К чёрту твою помощь! Ты подписался на то, о чём ничего не знаешь. Он монстр! Ты представить себе не можешь, что с тобой будет. Молись, чтоб он использовал простой кнут!

— О чём ты? — Марк всё ещё смотрел в сторону, где скрылся правитель.

— Не твоего ума дело. Слушай сюда! — Явик снова притянул друга за рубаху. — Когда почувствуешь, что не можешь больше терпеть, моли его о милости и сетуй на глупость. Возможно, он остановится, потому что злословие карается обычно не так жестоко.

— Я не буду ничего просить, — Марк грубо отцепил его от себя.

— Будешь! Иначе до конца своих дней станешь проклинать этот день. Лорд вскроет душу, как орех, и оставит там отметины куда страшнее тех, что будут на теле, — он тыкал Марка пальцем в грудь, пытался играть на красноречии, но в устах ребёнка эти слова просто смехотворны. — Боже, какой ты идиот... Ты ведь ни разу даже со стороны не видел его работу. Да толку объяснять, поздно уже.

— Я не понимаю тебя. Ты-то чего бесишься!?

— А того, что он хуже любого палача, которого ты только можешь себе представить! Его возможности куда шире смертных. Он может вытворять с тобой то, от чего в руках смертного ты бы уже умер. Но он не даст умереть, залатает тело и продолжит. Ты хоть раз представлял, какой может быть жестокость полубога?! Почему я не сдержался... Черт!

Марк промолчал, ему казалось, что Яваран преувеличивает. Лорд же не сам Дьявол из Ада? Слухи слухами, но где правда, разве кто знает?

— У нас есть пара часов. Через часа полтора я буду ждать тебя здесь перед кабинетом, — инструктировал Явик тем временем, успокаиваясь. — Приведи себя в порядок, сходи в туалет и прочисти желудок. Уборная налево, в конце. Будет несмешно, если ты захлебнёшься блевотиной. Остальное время можешь прогуляться по этой части Замка, ты здесь вряд ли захочешь побывать ещё раз.

Ни один из них даже не задумывался о том, чтобы не прийти.

К положенному времени парни уже спускались по длинной винтовой лестнице без перил, высеченной в камне. С одной стороны стена, с другой — пропасть, дно которой освещалось парой факелов. Здесь было холодно, как в любом подземелье, и с каждой ступенью становилось холоднее. Они шли молча, Яваран постепенно успокаивал разбушевавшиеся эмоции, Марк постепенно себя накручивал. Близость боли нервировала его, хоть он и сознательно её выбрал. Нет, он по-прежнему не жалел о сделанном выборе, но начинал здорово сомневаться, выдержит ли.

Спустившись вниз, Яваран вёл дальше по длинному коридору. Пол при этом спускал их ещё ниже. Пахло сыростью, но воздух был сухим. Подземелье было так же каменным, аккуратным, чистым. Лорд не любил грязи, ему не нужен фантазийный антураж с прогнившей мебелью, старой кровью, вонью и крысами. Казалось, здесь сейчас ни души, стояла гробовая тишина, и даже шаги молодых людей приглушались мягким ковром. Коридоры также освещались факелами.

Не дойдя до середины, Яваран свернул направо и вошёл во вторую дверь слева, что была приглашающе открыта.

Их встретило весьма просторное, каменное, как и всё здесь, помещение без каких-либо особых украшений. Шесть факелов, две конструкции для фиксации, одна полуторная кровать и кресло, в котором, сложив руки в замок, ждал их Лорд. Глаза Аскара приобрели блеск, из-за которого казались практически белыми. Он был холоден, собран, его мрачные намерения и Сила бушевали, им было тесно в помещении. Не сдерживай магию камень, она накрыла бы весь Дворец. Марк словно на плаху взошёл. Ушла надежда, сердце ухнуло в пятки, тело начинало дрожать, дыхание участилось. За спиной мерещилась сосущая бездна всепоглощающей тьмы. Он был готов бежать, сломя голову, но ноги больше не слушались. Здесь царила абсолютная власть Аскара.

Привыкший к этой ауре, в отличие от Марка, Яваран испытывал лишь трудности с дыханием и глубоко проникающий холод. Он уже знал, что это чувство не отпустит до тех пор, пока всё не завершится. В его мозг проник настоящий ужас лишь тогда, когда он углядел на коленях Лорда оружие. Свернутый несколькими кольцами, серебрился необычным плетением его личный кнут, прошедший сотни магических манипуляций, выпивший реки крови, обладающий подобием собственной воли и не щадящий никого и никогда. Чудовищный инструмент, при

виде которого содрогалось даже самое крепкое сердце. Не так часто Лорд пускал его в ход, но достаточно было лишь видеть, чтобы бояться. Это его кровожадность витала в воздухе. Яварану ещё не приходилось испытывать его действие на себе, но однажды он видел его в работе со стороны... Жалеть о выборе палача было поздно.

— Приветствую, — первая капля разъедающего волю мрака. — Снимайте рубахи, ваши места уже готовы.

Лорд указал в сторону двух V-образных установок. На каждой всего два крепления для высоко поднятых рук. Сразу стало ясно, что они будут стоять лицами друг к другу. Но Яваран всё ещё не понимал, что именно подготовил для них Аскар.

— Яваран, твоё место в центре.

Первая из установок располагалась точно в центре зала. Вторая чуть в стороне обращала человека спиной к стене. Лишь подойдя к своей, Явик понял замысел и в очередной раз мысленно назвал Марка идиотом. Внутри фиксаторов рук были нацарапаны зеркальные руны. Он с неподдельным ужасом оглянулся на повелителя. Как он ни старался сдерживаться, Аскар медленно и неизбежно разматывал клубок сокрытых эмоций. На этот взгляд он никак не отреагировал, лишь встал наконец, чтобы помочь оцепеневшему Марку занять своё место. Яваран вложил руки в фиксаторы, которые сами собой мгновенно защёлкнулись.

С приближением Лорда Марк чувствовал, что к нему приближается цунами. Ещё немного — и его расплющит, а тело унесёт неизвестно куда, размажет по здешним стенам. Когда же Аскар взял его за плечо, в кости словно влился мгновенно твердеющий свинец. Ему было не место в теле, кости напрягались, словно вот-вот лопнут от заполнявшего их металла. Лорд провёл подконтрольное тело к шестам и так же зафиксировал его руки. Когда же всё было готово, Аскар подошёл вплотную к ученику.

— Твои способности к регенерации достигли наконец того уровня, когда срабатывают сами. Поэтому они станут мерилom твоей ответственности — сила и самоконтроль — ведь сегодня магия будет помогать не только тебе. Ты знаешь правила. Назови их для своего нового друга.

— После каждого удара я должен буду вести обратный отсчёт, — Яваран смотрел на Марка, стараясь не выказывать собственный страх, но голос предательски подрагивал. — Если я сойбюсь со счёта, Лорд Аскар подскажет, но к норме будет добавлен один удар. Если я потеряю сознание...

— Это правило сегодня опустим. Ввиду наличия у нас гостя норма не будет обновляться и переноситься на следующий день. Вместо этого я закончу начатое по твоему бессознательному телу. Но тогда твой друг потеряет защиту исцеляющей силы.

До Марка постепенно начинала доходить суть происходящего. Сейчас, когда Лорд стоял к нему спиной, по обыкновению сложив руки сзади, он рассмотрел, какой кнут тот держит. Его глаза округлились, еле слышно он бормотал типичное для таких ситуаций: «нет... нет нет нет... только не это». Повернувшись к нему, Лорд повторил обещание:

— Марк, твоё желание — разделить наказание с моим учеником — будет исполнено. Ты прочувствуешь всё до последней капли.

Руны будут дублировать все эффекты на тело Марка. Раны, лечение, ощущения, причинённые Лордом, — абсолютно всё.

По ошарашенному лицу Яварана было понятно, что он и не надеется выдержать. Его взгляд прыгал с пятнами бледневшего Марка на кнут, а с него на его хозяина. Аскар был удовлетворён реакцией.

— Ты должен научиться самоконтролю, Явик. А ты... — Лорд сделал паузу, заставляя Марка прислушиваться, — ...осознать цену своих слов.

Закончив таким образом ознакомление гостей с ситуацией, он отошёл на удобное расстояние и отпустил кнутовище.

«Начнём...» — подумал Явик.

Марк видел, как Лорд кивнул, не сводя глаз со спины ученика, после чего неуловимо быстрым движением отправил кнут в полёт.

Послышался короткий свист и хлопок. Марк задохнулся. Удар выбил воздух из лёгких, боль взорвалась в спине, распространяясь волнами по всему телу. Искажённое мгновенным чувством лицо Яварана застыло в напряжении, магия работала сама собой — начинала зализывать рваную рану от лопатки до поясницы. Едва выступившая кровь, сдерживаемая магией, втягивалась в тело, появлялось странное тепло. Лорд ждал.

— Двадцать девять, — прохрипел ученик спустя несколько долгих секунд.

Свист, удар.

Не успела отступить боль от первого удара, в сознание ворвалась новая. Марк кричал бы, если бы не нехватка воздуха. Он тяжело дышал, подавая голос, из-за чего громкие вздохи отдавали истерикой. Яваран сцепил зубы и зажмурился, пытаясь сдержаться, но в итоге зарычал, выпуская боль наружу. Второй удар рассёк кожу крестом над первым, тем, что ещё не успел затянуться.

— Двадцать восемь, — сквозь зубы проговорил он.

Третий. Аскар наносил точные удары, давая кнуту разогнаться, с оттяжкой на себя, ускоряя движение и усиливая воздействие. Скорость порождала звук, рассекающий плоть. Визгливый вопль Марка удвоился несдержанностью Его ученика. Каждый раз ощущения лишь множились, расползаясь много дальше места удара. Это орудие задевало не только материю. Оно проникало куда глубже, в сознание, в сны, от боли невозможно было укрыться, уйти от неё.

— Двадцать... семь...

Тонкий, длинный, усеянный осколками странного, похожего на стекло материала, фол вгрызлся в плоть, рвал её так глубоко, как мог. Он вытягивал из Яварана силу.

— Двадцать шесть, — шипел он, вновь пытаясь сдержать вопль.

Марк же поддавался истерике. Он успел пожалеть обо всём, к такому он не был готов.

Хлопок, взрыв. Глаза его заволочла тьма. Сознание рвалось на части, не способное выдержать боли. Он проваливался в беспамятство, но исцеляющая магия Яварана не пустила.

— Двадцать... Двадцать... — ученик задыхался, тело теряло силу, напряжение мышц переходило в бессилие, он начинал дрожать. — Двадцать пять.

В пятнах проявляющейся реальности Марк увидел, как Аскар позволил кнуту повиснуть в воздухе и рывком направил удар. Он уже ни о чём не думал, лишь вопил на опережение. Мысленно он молил Яварана дать ему время прийти в себя. Последний же, тренированный вот уже долгие годы, был куда более вынослив. Его тело подвергалось не одному укрепляющему ритуалу. Он не был бессмертен, как Тёмный Лорд, но способен выдержать куда больше простого смертного. Произнося новое число, он пытался оградить своё сознание куполом, защитить от всепроникающей боли.

— Двадцать четыре.

Последовавший за этим удар доказал лишь бессмысленность затеи. Купол лопнул, как воздушный шар, боль лишь бушевала ещё сильнее — разгневанный препятствием, кнут утверждал своё право. Марк повис на конструкции без сил, глаза его остекленели. Он видел вокруг лишь тьму, но ощущения никуда не ушли. Он плавал в своей боли, не способный ни сдержать её, ни противостоять. Отдался в её власть, стал её частью.

— Не давай себя поглотить, придурок! — вместо нужного числа выл Яваран. — Она никогда не отпустит, борись!

— Пощадите... Молю вас. Я не могу... я не могу больше, — шептал в бреду Марк. — Я был так глуп... умоляю... остановите это... я не выдержу...

— Выбор сделан. Будь благодарен, что должен выдержать это лишь раз. Если ты желал получить часть наказания моего ученика, то должен был быть готов страдать дважды. Вместо этого ты понесёшь лишь одну меру, но познаешь её полноту от моей руки.

Ледяной голос беспощадно вытаскивал Марка в реальность, сковывая и привязывая к телу. Лорд Аскар оставил возможность потери сознания только своему ученику. Его друг же должен был выстрадать всё до последней капли. Он должен понимать, что на самом деле означает разделение участи.

— Мой Лорд, прошу Вас, отпустите его. Это моё наказание!

— Число.

— Прошу Вас, он не выдержит...

— Число! — в его голосе слышалась угроза, ещё одна фраза — и он добавит к норме удар. Явик всё понял.

— Прости... Двадцать три.

Но сразу за словом удар не последовал. Тёмный Лорд неотрывно смотрел на Марка, ожидая, когда тот полностью выплывет в реальность. Он не позволит ему сбежать. Обретающие смысл глаза наполнялись слезами. Только тогда, расправив резким движением опутавший ноги кнут, Лорд провёл замах и нанёс следующий удар.

Хлопок, предшествующий крикам, казалось, обретал эхо. В ушах парней звенели отголоски, словно пение кнута. Он вибрировал в руке Аскара. Сквозь красные и чёрные пятна, завораживающие глаза, Марк едва различал мир. Явараново исцеление дало сбой, тепло не приходило, казалось, целую вечность. Явик думал лишь о человеке, не называя число до тех пор, пока живительное тепло не вернулось в тело. Парень чувствовал, терпение повелителя не безгранично, но всё-таки злоупотреблял им. Он сам был на пределе, Аскар был невероятно силен и умел, всего восемь ударов, он нанёс всего лишь восемь ударов!

— Двадцать... — главное, не потерять счёт. — Два.

Спины сразу же рассёк очередной удар. Кнут двигался грациозно, удары ложились как рассчитано, оставляя после себя рваные клочья. Эмоции, которые не способен был сдерживать даже Яваран, сгущали воздух. Аскар выдерживал паузу, давая жертвам прийти в себя, а боли — проникнуть глубже. Каждый следующий удар должен быть столь же эффективным, как и предыдущий. Мёртвая плоть не может чувствовать, поэтому Яварану позволено использовать время. Сейчас на спине ученика оставалось всего три свежих рубца, один из других постепенно втягивал обратно заливавшую спину кровь, ещё три уже были восстановлены на мышечном уровне, но ещё не полностью закрыты кожей, и лишь самый первый сейчас не оставил и следа.

— Число, — вновь напомнил Лорд.

— Двадцать... — Яваран запнулся, только не это. — Черт... двадцать...

Лорд внимательно слушал. Сможет ли разум возобладать над телом?

— Черт! Двадцать...

— ...один, — шёпотом проговорил плачущий Марк.

— Двадцать один! — повторил Яваран.

— Двадцать два, — медленно и жёстко произнёс Аскар.

Ученик сбился. Условия были оговорены. Хотя Марк и назвал правильное количество, не он должен был вести счёт. Этот мальчишка был напросившимся гостем и прав не имел. Ответственность — урок Яварана.

— Нет, пожалуйста... — едва слышно скулил Марк, но бесполезно.

— Двадцать два, — жёстко повторил Тёмный Лорд и нанёс следующий удар.

Мир дробился. Перед Явараном всё плыло, ему казалось, что помещение целиком заполняет рой чёрных насекомых, кружится, и каждое, прикасаясь к нему, вонзается в плоть. Пот катил градом, охлаждая пылающее тело, держатели обдирали кожу на руках, Марк бился в истерике, пытаясь вырваться. В паузах он обвисал на конструкции, не в силах стоять, и лишь

новые волны боли оживляли его, заставляли дёргаться и бороться. Паузы между ударами увеличивались, но не несли облегчения, наоборот. Чем больше времени Яварану требовалось, чтоб вновь запустить исцеление, тем дольше страдали оба. Оба были мокрыми, словно из озера вылезшие, оставшаяся одежда пропиталась кровью. Аскару не нужен был отдых, его кнут не размокал от этой влаги. Всё, что требовалось от Лорда — терпение и мастерство. И тем и другим он обладал в избытке. Двадцать один...

Двадцать...

Девятнадцать...

Восемнадцать... Марк вывихнул плечо. Он слышал удары и чувствовал, что в нём раз за разом что-то ломается. Не только в теле, но и в сознании. Тишина... и новый удар заставлял его как никогда надрывать связки.

Семнадцать...

Яваран обвис без памяти.

Марк видел лишь смутные силуэты. Практически ослепший от боли, задыхающийся, как рыба на суше, беззвучно открывал рот, пытаясь звать Яварана по имени. Аскар ждал. Когда нет исцеления, ощущения сохраняются долго, лишь через несколько минут можно будет работать дальше. Хрипы мешали воцарившейся ненадолго тишине. Но через пару минут Яваран пришёл в себя, отдышался и одними губами произнёс:

— Шестнадцать... — и Лорд услышал его, подтвердив этот факт следующим ударом.

Сердце пропускало удары и несло как сумасшедшее. В груди Марка образовывался ком, в него будто нож вогнали. Безошибочно чувствовавший это Аскар вытянул свободную руку в его сторону и быстро сжал в кулак.

— Ты не был приговорён к смерти. — проговорил он, замедля сердцебиение и предотвращая приступ. — Как уже было сказано, я не отпускаю тебя, пока назначенное не будет исполнено.

— Я... не могу... — безнадежно, ни к кому не обращаясь, шептал парень.

— Выбор сделан, — вновь отвечал ему непоколебимый Лорд.

Пятнадцать...

Четырнадцать...

Наполнявшие помещение Сила полубога, магия ученика и эмоции провалившегося в абсолютное отчаяние Марка сгущали воздух до нельзя. Дыхание давалось всё тяжелее, иссохшие глотки, повреждённые связки. Марк словно умалишённый пускал изо рта кровавые пузыри. Бледный, мало похожий на человека, он действительно терял себя. Никогда в жизни он даже представить себе не мог, что кто-то способен причинить такие страдания.

Яваран упрямо продолжал отсчёт. Он утратил контроль над телом, полностью отдав всё внимание своей магии. Только на это, на возвращение целительного тепла он отдавал те скудные ресурсы, что в нём оставались. От него зависел его друг.

— Тринадцать...

Тёмный Лорд внимательно следил за состоянием жертв. Он продолжал давать ученику больше времени и чутко реагировал на состояние тел. Его целью на сегодня было обучение и истязание, возведение Боли за пределы воображения, но не лишение жизни и рассудка. Он не любил подхалимство, не любил лицемерное благородство, самоуверенность, высокомерную снисходительность и несдержанность. За всё это, а не только за проигранную дуэль и злословие, устроил он пиршество страданий. Аскар чувствовал, что разум его ученика стал похож на золотую иглу, тонкую и сконцентрированную в одной крохотной цели. Знал также, что его хватит ненадолго.

— Двенадцать...

Вложив в кнут каплю своей жесточайшей Воли, Лорд нанёс удар, отзвучавший выстрелом перебитых рёбер. С удовлетворением он отметил, что бывшая плотной игла рассеялась,

пробегаая волнами по телу вслед за болью. Марк в беззвучном вопле запрокинул голову, голос подвёл его... Эта поза продолжалась несколько секунд, после чего он забился в конвульсиях, хрустнул ещё один сустав. Марк практически не чувствовал этого на фоне того, что делал с ним Аскар.

— Остановитесь, повелитель... хватит... я не смогу... больше... — Яваран сломался.

На лице Лорда мелькнула тень недовольства, но тут же исчезла, уступив прежнему выражению холодной сосредоточенности.

— Число.

— Я... не смогу...

— Говори, Яваран. Ты знаешь, что должен дойти до конца.

— Не могу... — ученик плакал, как дитя, взхлёб, с истерикой, он действительно сломался.

— Говори, — тот самый тон, который Явик всего раз слышал ребёнком. Тон, которому невозможно противостоять, который сжимал нутро в тисках до тех пор, пока не выдавит из человека то, что должно быть сказано. С трудом нашарив в памяти нужное, спустя несколько секунд он выдал верный ответ.

— Одиннадцать...

Услышав сам от себя эту цифру, Яваран, казалось, обрёл надежду. Почти две трети позади. Но если Лорд продолжит бить с этой новой силой, то... он мысленно извинился перед Марком, и свет заволокла алая пелена... Слепо распахнувшиеся глаза наливались кровью в буквальном смысле. Подземелье содрогнулось от душераздирающего вопля. Его тело, его душа, его крохотная в сравнении с лордовой Сила, всё его естество вопило от пронзившей тело боли. Аскар перевёл часть ударной силы в другую плоскость бытия, поразив ментальное тело. Рубец на коже был выгрызен, как и прошлые, но сама боль проникала не столько в тело, сколько в самую суть его магии, методично разрушая барьер за барьером. Это был ещё один урок о борьбе с силой, о которой ничего не знаешь. Сопротивление не имеет смысла. Лишь преодоление. Если ученик сможет сейчас восстановиться, это будет чудом.

Марк, не обладавший с рождения никакой магией, пострадал немного меньше. Он хрипел и сплёвывал кровь, но кричать более не мог. Он отдался непрерывному страданию и не обращал внимания на реакции тела. На судороги, рывки, надрывное напряжение. В своём теперь постоянном бессилии он лишь сухо смотрел на невозможно искажившееся лицо и натянутое до предела, напряжённое донельзя, мокрее от пота и крови тело друга. Пронзивший залы крик продолжился судорожным приступом истерики. Яваран дёргался и извивался в своих оковах, пытаясь то ли вырваться, то ли сбросить с себя укутавшую его невыносимую боль. Лишь со следующей своей мыслью он наконец осознал, какую огромную ошибку совершил, назвав исполнителем Учителя. Он искренне и наивно полагал, что Тёмный Лорд оценит добровольность выбора и будет работать щадяще. Он изначально не был готов к тому, на что подписал его глупый язык. Тёмный Лорд Аскар не даёт никаких привилегий приближённым, не облегчает участи и не щадит, особенно если от него этого ждут. Добровольность и надежда противоречат друг другу. Надежда бессмысленна в природе своей... Добровольность в ней не нуждается. Именно это сейчас и демонстрировал ему Аскар. Как далеко ему пришлось зайти, чтобы осознать это на самом деле...

Яваран больше не чувствовал ничего. Он потерял границу между телом и разумом. Осталась только чистая, всё поглотившая, неудержимая Боль. В этот момент Лорд Аскар стал не просто творцом и архитектором, он казался Воплощением Боли. Поэтому его Сила оказывала на смертных такой невыносимо тяжёлый эффект? Боль — суть этого божества?

Уже понимая, что это последние его слова на сегодня, он назвал своё число, выписав таким образом Марку правку, ужесточавшую приговор. Самоконтроль...

— Десять.

Со следующим ударом его мир разлетелся на миллионы осколков, рвавших тело, царапавших глаза, врезавшихся в кости. Вокруг осталась только тьма — вязкая, затягивающая. Крохотный в этой чёрной вселенной Яваран отовсюду слышал тысячи раз повторявшийся эхом собственный крик, так и застрявший желанием и не сумевший вырваться перед тем, как сознание поглотила пустота. Яваран не выдержал. Двенадцать крупных рваных рубцов бороздили спины, кровь не давала понять, сколько ещё были почти заживлены. Но это было и неважно, потому что очень скоро они могут лопнуть вновь.

— Девять, — произнёс Аскар за своего ученика, тряпкой висевшего в оковах.

Марк вторил криком своему брату в страдании. Позже давила образовавшаяся тишина. Он потерял ощущение времени, счёт норме, даже число, названное Лордом, он понял не сразу. А когда понял, ощутил себя на грани безумия. Яваран потерял сознание, а значит, облегчения больше не будет. Оставшиеся девять ударов точно его убьют. Ему становилось холодно, больше никакой магии — кровь свободно пропитывала вещи и с мерзкими хлюпами падала на пол.

— Как видишь, осталось совсем немного, — Аскар вновь встряхнул кнут и принял чуть более широкую левостороннюю стойку.

Прилетевший в следующую секунду удар в лопатку не издал столь громкого хлопка, но принёс в себе эффект железного прута. Удар тяжёлый, проникающий... кость треснула, Марк снова взвыл. Боль проникающих ударов не такая интенсивная, но долгоиграющая. Следующий удар сломал второе «крыло». Отправляя кнут в полёт, Лорд заставлял его ложиться прямо и опадать после соприкосновения с телом, оказывая более глубокое воздействие. Но в этот раз кнут не пожелал опадать, зацепившись за обнаженные рёбра. Он вгрызся в кость и за считанные секунды успел отдать столько разрывающей мощи, что Марк искренне возжелал смерти. Аскару пришлось буквально вырывать кнут из тела. Сжав его крепче, обуздав его кровожадность, Лорд продолжил. Как уже сказано, он не делал длинных пауз. Прошедшие двадцать три удара заняли уже практически два часа, казавшиеся жертвам вечностью. Предыдущий крик захлебнулся в новом. Подавившись собственной кровью, Марк заходился кашлем вперемежку со стонами. В этот раз Аскар целил снова по рёбрам, создавая симметричный рисунок перебитых костей, прикрывая при этом внутренние органы магией, чтоб не нанести непоправимого ущерба. Ударная волна шла сквозь всё тело, кожа грудной клетки содрогалась от этих ударов, но Аскар экранировал все важные органы от повреждений, оставляя лишь болевой эффект. Сложная анатомически методика — сохранить чувствительность нервных окончаний, защитив при этом ткани от внутренних разрывов. Марк же представлял, что его тело пронизывают металлические пластины. Чужеродной магии такой силы тесно в человеческом теле.

Следующими ударами Аскар превратил спины жертв буквально в кровавое месиво с лоскутами свисавшей кожей и плотью, заботливо сохранив место для точки. Марк сорвал голос. В непрекращающихся конвульсиях он пытался избавиться от нарастающих ощущений. Новый темп буквально возводил его на вершину страдания. Каждый раз, когда он считал, что хуже быть не может, Тёмный Лорд доказывал обратное. Марк не считал, он утопал в истерии, хрипя и не видя вокруг ничего, кроме тьмы. Крепкая Воля Лорда удерживала его сознание, словно клетка птицу во время пожара. Он стонал в своей боли, бился о стены и ещё больше себе вредил, но вырваться не мог. Нос тронул запах горелого мяса — Аскар запекал кровь в ранах, избегая лишней кровопотери. Чувствительной плоти на спинах осталось крайне мало, не больше необходимого. Любуясь своей работой, он приблизился к ученику и осторожно провёл свободной рукой по ранам, местами всё ещё кровоточащим, местами царапавшими пальцы корками запёкшейся крови. Марк висел на конструкции, совершенно пустой, бесчувственный, бледный, ощущая эти почти нежные прикосновения, глаза тупо смотрели вниз. Он был практически мёртв, держала его одна лишь аскарова магия, связавшая разум, тело и душу, удерживавшая кровь в теле, заставлявшая сердце биться дальше, сковавшая сознание в состоянии, не позволявшем улететь в пропасть безумия.

Приблизившись позже и к Марку, Лорд осторожно взял его за подбородок и заставил смотреть прямо. Голос продирался словно сквозь толщу воды, просачивался ядом, отравлявшим новым страхом. Если Марк считал, что чувств больше не осталось, голос показывал, что одно извечное не уйдёт никогда — древний животный ужас.

— Остался последний удар, и ты будешь свободен.

Марк ничего не ответил, тело не выказало никакой реакции, хотя разум во всю мощь молил остановить это.

Вновь заняв своё место, Лорд медленно провёл рукой с кнутом в сторону, вновь разравнивая его, вновь переводя силу в другое русло. Он смотрел на кнутовище, как хирург смотрит на новый скальпель. Наверное, он любовался, но лицо сохраняло холодное сосредоточенное спокойствие.

Последнее лаконичное движение — кнут замер в руке всего на мгновение, и последний удар стёр границы между телом, разумом и душой. Он, полубог, действительно может оставить рубец на самой душе, так же кровоточащий и много дольше заживающий. След, который никакая магия не исцелит.

Именно так поставил он точку в этом дне, отпустив наконец Марка в бессознательность переживать произошедшее вновь и вновь, постепенно переводя его из реальности в воспоминания.

Телами же Лорд Аскар планировал заняться лично. Никто не способен провести правильное лечение сотворённого им кошмара, кроме него самого.

Яваран открыл глаза. Он лежал на животе, на чём-то мягком, смотрел в каменную стену. Где-то рядом что-то шуршало, приглушённый свет не раздражал. Он помнил, что произошло, глаза сами собой наполнялись слезами, вслед за зрением возвращалась боль. Он попытался пошевелиться, но чуть не взвыл. Лишь шумно выдохнул сквозь зубы.

— Не шевелись, — тихо произнёс учитель.

Яваран начинал дрожать. Это был не столько страх, сколько память. Близость того, от чьей руки ты недавно так страдал, не приносит облегчения даже при том, что он сейчас с тобой ничего не делает. Сквозь боль, используя капли восстановленных сил, он всё-таки развернул голову в другую сторону.

Совсем рядом он увидел другой затылок, часть ужасно изодранной спины и колдующие над ней бледные руки. Кожа шевелилась, бугрилась, от неё отходили лоскуты и ложились поперёк ран. Это выглядело, как шевеление лап десятка сороконожек. Или как обычное наложение швов. Только швов не было, Лорд Аскар отрачивал новую кожу и закрывал раны, частично залечивал то, что сделал своими же руками. Яваран был рад, что не видит лиц. Он насмотрелся на беспощадно искажённое лицо друга достаточно, сейчас он бы боялся смотреть ему в глаза. А тем более — видеть практически никогда не меняющееся лицо Учителя, который с равным выражением говорит о делах и сдирает кожу, прижигая голую плоть. Параллельно с глухим страхом от присутствия палача он, тем не менее, начинал злиться на него.

— Зачем Вы сделали с ним это, Мой Лорд? — хрипло спросил Яваран. — Его нарушение не так уж и серьёзно, он не заслуживал такого!

— Он испытал свою искренность.

— Ч-что?!

— Его наказание — не более, чем последствие его выбора, — жёстче повторил Лорд.

— Я не понимаю. Он напросился, чтобы помочь мне, но Вы... — он запнулся.

Голова начинала болеть, тело снова ныло, он переступал черту, и Аскар давал ему это понять совершенно недвусмысленно.

— Ты смелеешь от возрастающей силы, своего превосходства над простыми смертными или от моего покровительства?

Ученик счёл лучше промолчать. Аскар спокойно продолжил:

— Он не верил, что есть сила, способная чувствовать ложь за его намерениями. Он вызвался не для облегчения твоей участи, а чтобы удовлетворить своё любопытство и показать этикетное благородство. Выслужиться, пользуясь случаем, и познать нечто новое. Я позволил ему вкусить знание сполна.

— К-как... — Яваран перевёл ошарашенный взгляд на затылок лежавшего рядом дурака.

Наедине с учеником Лорд всегда оставался спокойным, позволял говорить, но всегда заставлял прежде всего думать. В другой ситуации всё не ограничилось бы мигренью, но в этот раз Яваран достаточно пострадал. Последний же тупо смотрел и по-прежнему не понимал. То есть он понимал, что произошло. Не понимал только — зачем. Марк мог просто уйти, Лорд готов был его отпустить, тогда он получил бы свое лишь в рамках злословия и драки. Зачем бросаться в такую крайность?! Кому и что он пытался доказать?

Спустя полчаса, завершив работу и забинтовав тело, Лорд встал.

— Он очнётся через несколько часов. Избавим его от большого потрясения, я приду завтра.

— Постойте, прошу... сколько времени прошло?

— Больше двух дней. Сейчас полночь. Отдыхайте.

С этими словами он удалился, а Яваран, повинувшись приказу, вновь уснул. В этот раз — блаженно.

5

Следующие дни шли своим чередом. Графиня гуляла по замку, постоянно чувствуя чьё-то присутствие. Она не видела никого, но что-то неотрывно за ней следовало. Порой она действительно чувствовала себя гостьей, отвлекаясь на местную роскошь. Странно, но никто из придворных не выказывал и малейших намёков на знание ситуации. Приветливые люди, воспитанные, крайне вежливые. Прекрасные слуги, комфорт и спокойствие. Она вспоминала о реальности только когда проводила вечера за книгами, или в компании Лорда, приглашавшего её дважды. Первый раз он пригласил её через Стража. После того вечера её мучили кошмары о бесконечных рядах чёрных грешников в пространстве непроглядной тьмы, что звали её к себе, хватали за руки, царапали, пытались кусать — кто как, но в итоге она просто заняла очередь в самом конце. А впереди ярким белым пятном светился огромный колодец, куда все они шли, пытаясь спихнуть соседей раньше, чем оказаться там самим. Наутро она старалась о сне не думать. Гулять, рассматривать картины, читать, общаться со слугами, но не думать и не вспоминать. Ни о сне, ни о разговоре. Она прошла через детальное изучение, внимание правителя отдавалось копошением внутри самой графини. Ей удавалось сбегать от страха и тревоги, пока другим вечером она не услышала в знакомом уже направлении неожиданную здесь музыку фортепиано — сложную, надрывную, напряжённую мелодию. Это был второй, и последний, её визит к правителю.

Дверь в кабинет была приоткрыта, будто кто-то хотел её закрыть, но не довёл механизм до конца, оставив тонкую щель. Рискнув, она тихо вошла. Музыка не прекращалась.

Она не могла бы точно сказать, какое настроение слышала в этой мелодии, но высокие быстрые переборы вызывали в ней тревогу, ожидание не грядущего нового, а тяжело уходящего старого. Временами ноты становились мягкими, практически затихали, будто музыка уставала от себя самой, но потом, набравшись сил, продолжала с новой силой. Что-то агоническое было в этих звуках.

В этот раз она смогла рассмотреть кабинет гораздо лучше, даже несмотря на практически полное отсутствие света. Вход располагался в торце, помещение тянулось вглубь. Недалеко справа стояли те самые кресла, столик и камин, где она уже дважды сидела, попивая вино в компании правителя, что постоянно расшатывал её эмоции, то бросая в бездну ужаса, то убаюкивая разговорами о бытие. Камин не горел, оставляя в покое царивший здесь холод. У противоположной от камина стены стоял рабочий стол, на нём бумаги, чернильница с пером, канделябр на три свечи не горел. Сидящий за столом обычно встречал гостей лицом к лицу, но в этот раз её не встретили. Музыка всё лилась... В дальнем конце кабинета в густой тени, развеивал которую лишь канделябр — так же на три свечи, — боком к ней сидел Тёмный Лорд за роялем и, не обращая на неё внимания, продолжал играть. Высокие тревожные ноты разбивались о низкие, жёсткими ударами казавшиеся звуки. Удар — и щебет, удар — и плач, удар — и агония. Казавшаяся поначалу волнующей музыка теперь начинала её пугать. Тьма вокруг скрадывала зрение, глаза болели от напряжения, слегка кругом шла голова. Наблюдая за едва различимым при свечах лицом правителя, она проникалась всё больше. Аскар смотрел перед собой тёмными впадинами глаз, лицо как маска, лицо мертвеца, без чувств и эмоций, он заполнял собой помещение, но не тело, что двигалось в такт, он был везде, как и музыка. Графиня смотрела и чувствовала, как тьма проникает в её сознание, холодит разум, задевает струны нервов, ей стало некомфортно, но она продолжала слушать, пока мелодия не загремела сталью и костями, пока не почувствовала внезапным порывом, что музыка вытягивает из неё жизнь. Агонизирующее сознание покидало брэнное тело и в спешке нещадно, клочьями, вырывало себя из реальности, душа бежала от такой жизни. Наваждение закончилось так же внезапно, когда мелодия оборвала ту мучительную судьбу, что несла в себе музыкальная исто-

рия. Женщина продолжала слепо смотреть на правителя, даже не заметила, когда он обратил на неё пронзительный взгляд. Она встrepенулась, лишь услышав его приветствие.

— Добрый вечер, госпожа Данфорт, — он говорил сухо и холодно, без какой-либо светской любезности.

Это не было связано с её вторжением, но с тем, какой сегодня день.

— Прошу прощения, М-мой Лорд, я не вовремя, — она была не на шутку напугана, поскольку явилась без приглашения в такой, кажется, личный момент. Но она ошибалась.

— Напротив, я ждал Вас.

И что-то сквозь его голос закрадывалось в душу и начинало разъедать то подобие самообладания, которое в ней ещё оставалось.

— Подошло время Вашей казни.

Она отшатнулась. Слова практически буквально ударили её, оглушили, сердце билось с такой силой, что звук его, казалось, перекрывал голос.

— Сегодня? — слабым шёпотом спросила она, на лбу выступил холодный пот, она сделала ещё один тяжёлый шаг назад.

Лорд слегка кивнул и встал.

— Повозка готова, мы поедем вместе.

— Вам придётся меня заставить! — вдруг крикнула она, пряча за гневом ужас.

И впервые за двадцать семь лет знакомства с Ним Данфорт увидела явное проявление эмоций в чертах этого ледяного лица. Он слегка напряг нижнюю губу, из-за чего рот сузился, словно сдерживая улыбку.

— Ваши желания больше ничего не значат, госпожа Данфорт, — и тут же лицо приняло обычное холодное выражение.

Демонстрируя сказанное, с небольшим облаком холодного тумана он выдохнул одно простое слово:

— Nihil.

Кожа замерзала, женщина чувствовала, как её обволакивает плотный, жгучий, практически невыносимый мороз, сгущавший воздух в лёгких, затруднявший дыхание. Скосив всё ещё повинующиеся ей глаза, она увидела, как стремительно бледнеет тело, но реального льда всё же не было. Она хотела прокричать: «Остановите это!», но голос она больше не контролировала, этот вдох для нереализованного крика лишь впустил холод внутрь. Вместе с ним в голову проник и Тот голос, который свалил её в обморок во время танца...

— Некоторые люди напрочь отказываются верить в то, чего ещё не видели и не чувствовали. Мне придётся продемонстрировать Вам кое-что.

Правая рука графини целеустремлённо поднималась к глазам. Не слишком медленно, не резко, выставив указательный и средний пальцы, рука приблизилась к глазнице. Прежде чем Данфорт закричала, ногти пролезли за нижнее веко и начали оттягивать кожу вниз. Её переполнил ужас, боль была едва сильнее страха за внешность. А когда слизистая внутренняя часть века прорвалась, и пальцы проникли под кожу, она вновь лишилась чувств, так и оставшись стоять, скованная волей Тёмного Лорда, плачущая кровью над своей судьбой.

Аскар покинул кабинет. Вслед за ним двое из Черных Стражей вынесли постепенно теплеющее безвольное тело.

И снова очнулась... В этот раз именно там, где ожидала оказаться всё это время. В просторном, но не огромном подземном помещении, на относительно мягкой кровати, с жгучей болью под правым глазом, с резким, мерзким запахом в носу от тряпки, что совал ей в лицо только что вышедший вон Страж. В полностью оборудованной камере пыток. Все столы, шкафы и крепления стояли вдоль стен камеры, внутри же было довольно много свободного пространства. Дверь осталась приоткрыта, и она, не задумываясь, сразу же рванулась к выходу.

Подвернула ногу, упала. Услышала приближающиеся шаги, полоска света из проёма расширилась. Она увидела чистые чёрные туфли и подол обыденного кожаного плаща Аскара.

— Вам всё ещё кажется, что свобода возможна? — спросил он спокойно, риторически.

Женщина в панике отползала обратно от следовавшего за ней Лорда, пока не упёрлась спиной в какой-то из шкафов, загремел инструмент. Он подошёл почти вплотную, чуть не наступив на платье.

— Встаньте, — приказ.

Всё так же вжимаясь спиной в непонятный элемент мебели, она медленно поднялась. Накатывали холод и дрожь, виски ломило от его Силы, сердце снова набирало темп. Больше было нечем храбриться, Смерть смотрела на неё сквозь ледяные глаза, всё внутри замирало.

— Я хочу, чтобы сегодня Вы проявили понимание и покорность. Поверьте, Вам будет гораздо проще терпеть, если Вы пройдёте свой путь с долей добровольности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.